Е II 12421.

СТИХОТВОРЕНІЯ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

Четвертая Часть.

СПбГУ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1835.

СПбГУ

Е II 12421

№ 1232 14 Сентября 1855

СТИХОТВОРЕНІЯ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

Часть четвертая.

33876
Перепис 1950

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатано въ типографіи Императорской Россійской Академіи.

1835.

Лен. Гос. Ун-т
Научная
библиотека им.
Горького

СПбГУ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра.

С. Петербургъ, 29 Апрѣля 1835 года.

Цензоръ *А. Шикитенко.*

СПбГУ

ГУСАРЪ.

(1833).

СПбГУ

СПбГУ

ГУСАРЪ.

Скребницей чистилъ онъ коня,
А самъ ворчалъ, сердясь не въ мѣру:
«Занесъ-же вражій духъ меня
На распроклятую квартеру!«

Здѣсь человѣка берегутъ,
Какъ на Турецкой перестрѣлкѣ,
Насилу щей пустыхъ дадутъ,
А ужъ не думай о горѣлкѣ.

*

СПбГУ

Здѣсь на тебя какъ лютый звѣрь
Глядитъ хозяинъ, а съ хозяйкой. . . .
Не бось, не выманишь за дверь
Ея ни честью, ни нагайкой.

То ль дѣло Кіевъ! Что за край!
Валяйся сами въ ротъ голушки,
Виномъ хошь пару поддавай,
А молодицы — молодушки!

Ей ей, не жаль отдать души
За взглядъ красотки *чернобривой.*
Однимъ, однимъ не хороши. . . .»
— А чѣмъ же? разскажи, служивой.

Онъ стпалъ крутить свой длинный усъ
И началъ: «Молвить безъ обиды,
Ты, хлопецъ, можетъ быть, не трусъ,
Да глупъ, а мы видали виды.

СПбГУ

Ну, слушай: около Днѣпра
Споялъ нашъ полкъ; моя хозяйка
Была пригожа и добра,
А мужъ-то померъ, замѣчай-ка.

Вошъ съ ней и подружился я;
Живемъ согласно, такъ что любо:
Прибью — Марусинька моя
Словечка не промолвитъ грубо;

Напьюсь — уложитъ, и сама
Опохмѣлиться приготовитъ;
Мигну бывало: Эй, кума! —
Кума ни въ чемъ не прекословитъ.

Кажись, о чемъ бы горевать?
Живи въ довольствѣ, безобидно!
Да нѣтъ: я вздумалъ ревновать.
Что дѣлать? врагъ попуталъ видно.

СПбГУ

За чѣмъ бы ей, сталъ думать я,
Вставать до пѣтуховъ! Кто проснтъ?
Шалитъ Марусинька моя;
Куда ее лукавый носитъ?

Я сталъ присматривать за ней.
Разъ я лежу, глаза прищуря,
(А ночь была тюрьмы чернѣй
И на дворѣ шумѣла буря)

И слышу: кумушка моя
Съ печи тихохонько прыгнула,
Слегка обшарила меня,
Присѣла къ печкѣ, уголь вздула,

И свѣчку тонкую зажгла,
Да въ уголокъ пошла со свѣчкой,
Тамъ съ полки скляночку взяла,
И сѣвъ на вѣникъ передъ печкой,

СПбГУ

Раздѣлась донага; потомъ
Изъ склянки три раза хлѣбнула,
И вдругъ на вѣникѣ верхомъ
Взвилась въ трубу и улизнула.

Эге! смекнулъ въ минуту я:
Кума-то, видно, басурманка!
Постой, голубушка моя!...
И съ печки слѣзъ — и вижу: склянка.

Понюхалъ: кисло! что за дрянь!
Плеснулъ я на полъ: что за чудо?
Прыгнулъ ухватъ, за нимъ лахань,
И оба въ печь. Я вижу: худо!

Гляжу: подъ лавкой дремлетъ кошъ;
И на него я брызнулъ склянкой —
Какъ фыркнетъ онъ! я: брысь!.... И вошъ
И онъ туда же за лаханкой.

СПбГУ

Я ну кропить во всѣ углы
Съ плеча, во что ужь ни попало;
И все: горшки, скамьи, столы,
Маршъ! маршъ! все въ печку поскакало.

Кой чортъ! подумалъ я: теперь
И мы попробуемъ! и духомъ
Всю склянку выпилъ; вѣрь не вѣрь —
Но къ верху вдругъ взвился я пухомъ.

Стремглавъ лечу, лечу, лечу,
Куда, не помню и не знаю;
Лишь встрѣчнымъ звѣздочкамъ кричу:
Правѣй!... и на земь упадаю.

Гляжу: гора. На той горѣ
Кипятъ котлы; поютъ, играютъ,
Свистятъ, и въ мерзостной игрѣ
Жида съ лягушкою вѣнчаютъ.

СПбГУ

Я плюнулъ и сказать хотѣлъ. . . .
И вдругъ бѣжитъ моя Маруся:
Домой! Кто звалъ тебя, пострѣлъ?
Тебя съѣдятъ! Но я, не струся:

Домой? да! чорта съ два! почемъ
Мнѣ знать дорогу! — Ахъ, онъ странный!
Вонъ кочерга, садись верхомъ
И убирайся, окаянный.

Чтобъ я, я сѣлъ на кочергу,
Гусаръ присяжный! Ахъ ты, дура!
Или предался я врагу?
Иль у тебя двойная шкура?

Коня! — На, дурень, вотъ и конь.
И точно: конь передо мною,
Скребетъ копытомъ, весь огонь,
Дугою шея, хвостъ трубою.

СПбГУ

Садись. — Вотъ сѣлъ я на коня,
Ищу уздечки, — нѣтъ уздечки.
Какъ взвился, какъ понесъ меня —
И очутились мы у печки.

Гляжу: все также; самъ же я
Сижу верхомъ и подо мною
Не конь — а старая скамья:
Вотъ что случается порою.

И спалъ крутитъ онъ длинный усъ,
Прибавя: молвить безъ обиды,
Ты хлопецъ, можетъ быть, не трусъ,
Да глупъ, а мы видали виды.

СПбГУ

СКАЗКА.

(1833).

СПбГУ

СПбГУ

СКАЗКА

О

МЕРТВОЙ ЦАРЕВНѢ И О СЕМИ БОГАТЫРЯХЪ.

Царь съ Царицею простился,
Въ путь-дорогу снарядился,
И Царица у окна
Сѣла ждать его одна.
Ждетъ-пождетъ съ утра до ночи,
Смотритъ въ поле, инда очи
Разболѣлись глядючи
Съ бѣлой зори до ночи,

СПбГУ

Не видать милова друга!
Только видитъ: вьется вьюга,
Снѣгъ валится на поля,
Вся бѣленька земля.
Девять мѣсяцевъ проходитъ,
Съ поля глазъ она не сводитъ.
Вотъ въ сочельникъ въ самый, въ ночь
Богъ даетъ Царицѣ дочь.
Рано утромъ гость желанный,
День и ночь такъ долго жданный,
Издалеча, наконецъ
Воротился Царь - отецъ.
На него она взглянула,
Тяжелешенько вздохнула,
Восхищенья не снесла,
И къ обѣднѣ умерла.

Долго Царь былъ неутѣшенъ,
Но какъ быть? и онъ былъ грѣшенъ;
Годъ прошелъ какъ сонъ пустой,
Царь женился на другой.

СПбГУ

Правду молвить, молодица
Ужъ и впрямъ была Царица:
Высока, стройна, бѣла,
И умомъ и всѣмъ взяла;
Но за то горда, ломлива,
Своенравна и ревнива.
Ей въ приданое дано
Было зеркальце одно;
Свойство зеркальце имѣло:
Говорить оно умѣло.
Съ нимъ однимъ она была
Добродушна, весела,
Съ нимъ привѣтливо шутила,
И красуясь говорила:
»Свѣтъ мой, зеркальце! скажи,
»Да всю правду доложи:
»Я ль на свѣтѣ всѣхъ милѣе,
»Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?«
И ей зеркальце въ отвѣтъ:
»Ты, конечно, спору нѣтъ;

СПбГУ

»Ты, Царица, всѣхъ милѣе,
»Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе.«
И Царица хохотать,
И плечами пожимать,
И подмигивать глазами,
И прищелкивать перстами,
И вертѣться подбочась,
Гордо въ зеркальце глядясь.

Но Царевна молодая,
Тихомолкомъ разцвѣтая,
Между тѣмъ росла, росла,
Поднялась — и разцвѣла.
Бѣлолица, черноброва,
Нраву кротkаго такова.
И женихъ сыскался ей,
Королевичъ Елисей.
Сватъ пріѣхалъ, Царь далъ слово,
А приданое готово:
Семь торговыхъ городовъ,
Да сто сорокъ теремовъ.

СПбГУ

На дѣвичникъ собираясь,
Вонъ Царица, наряжаясь
Передъ зеркальцемъ своимъ,
Перемолвилася съ нимъ:
»Я ль, скажи мнѣ, всѣхъ милѣе,
»Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?«
Что же зеркальце въ отвѣтъ?
»Ты прекрасна, спору нѣтъ;
»Но Царевна всѣхъ милѣе,
»Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе.«
Какъ Царица отпрыгнетъ,
Да какъ ручку замахнетъ,
Да по зеркальцу какъ хлопнетъ,
Каблучкомъ - то какъ притопнетъ! . . . .
»Ахъ ты, мерзкое стекло!
Это врешь ты мнѣ на зло.
Какъ тягаться ей со мною?
Я въ ней дурь - то успокою.
Вишь какая подросла!
И не диво, что бѣла;

23876
СПбГУ
Лен. Гос. Ун-т
Научная
библиотека им.
Горького

Мать беременна сидѣла,
Да на снѣгъ лишь и глядѣла!
Но скажи: какъ можно ей
Быть во всемъ меня милѣй?
Признавайся: всѣхъ я краше.
Обойди все царство наше,
Хошь весь міръ; мнѣ ровной нѣтъ.
Такъ - ли?« Зеркальце въ отвѣтъ:
»А Царевна все жъ милѣе,
Все жъ румянѣй и бѣлѣе.«
Дѣлать нечего. Она,
Черной зависти полна,
Бросивъ зеркальце подъ лавку,
Позвала къ себѣ Чернавку,
И наказываетъ ей,
Сѣнной дѣвушкѣ своей,
Везть Царевну въ глушь лѣсную
И, связавъ ее, живую
Подъ сосной оставить тамъ
На съѣденіе волкамъ.

СПбГУ

Чортъ ли сладитъ съ бабой гнѣвной?
Спорить нечего. Съ Царевной
Вотъ Чернавка въ лѣсъ пошла,
И въ такую даль свела,
Что Царевна догадалась,
И до смерти испугалась,
И взмолилась. »Жизнь моя!
Въ чемъ, скажи, виновна я?
Не губи меня, дѣвица!
А какъ буду я Царица,
Я пожалую тебя.«
Та, въ душѣ ея любя,
Не убила, не связала,
Отпустила и сказала:
»Не кручинься, Богъ съ тобой.«
А сама пришла домой.
»Что?« сказала ей Царица,
»Гдѣ красавица - дѣвица?«
— »Тамъ въ лѣсу, спитъ одна,«
Отвѣчаетъ ей она;

СПбГУ

»Крѣпко связаны ей локти;
Попадется звѣрю въ когти,
Меньше будетъ ей терпѣть,
Легче будетъ умереть.«

И молва презвонить стала:
Дочка Царская пропала!
Тужитъ бѣдный Царь по ней.
Королевичъ Елисей,
Помолясь усердно Богу,
Опправляется въ дорогу
За красавицей - душой,
За невѣстой молодой.

Но невѣста молодая,
До зари въ лѣсу блуждая,
Между тѣмъ все шла да шла,
И на теремъ набрела.
Ей на встрѣчу песъ, залая,
Прибѣжалъ и смолкъ, играя;

СПбГУ

Въ ворота вошла она,
На подворьѣ тишина.
Песъ бѣжитъ за ней, ласкаясь,
А Царевна, подбираясь,
Поднялася на крыльцо
И взялася за кольцо;
Дверь тихонько отворилась,
И Царевна очутилась
Въ свѣтлой горницѣ; кругомъ
Лавки, крытыя ковромъ,
Подъ святыми столъ дубовый,
Печь съ лежанкой изразцовой.
Видитъ дѣвица, что тутъ
Люди добрые живутъ;
Знать, не будетъ ей обидно.
Никого межъ тѣмъ не видно.
Домъ Царевна обошла,
Все порядкомъ убрала,
Засвѣтила Богу свѣчку,
Затопила жарко печку,

СПбГУ

На палати взобралась
И тихонько улеглась.

Часъ обѣда приближался,
Топотъ по двору раздался:
Входятъ семь богатырей,
Семь румяныхъ усачей.
Старшій молвилъ: »Что за диво!
Все такъ чисто и красиво.
Кто-то теремъ прибиралъ,
Да хозяевъ поджидалъ.
Кто-же? выдь и покажися,
Съ нами честно подружися:
Коль ты старый человѣкъ,
Дядей будешь намъ навѣкъ.
Коли парень ты румяный,
Братецъ будешь намъ названый.
Коль старушка, будь намъ мать,
Такъ и станемъ величать.

СПбГУ

Коли красная дѣвица,
Будь намъ милая сестрица.«

И Царевна къ нимъ сошла,
Честь хозяямъ отдала,
Въ поясъ низко поклонилась;
Закрасѣвшись, извинилась,
Что-де въ гости къ нимъ зашла,
Хоть звана и не была.
Вмигъ по рѣчи нѣ спознали,
Что Царевну принимали;
Усадили въ уголокъ,
Подносили пирожокъ,
Рюмку полну наливали,
На подносѣ подавали.
Отъ зеленаго вина
Отрекалася она;
Пирожокъ лишь разломила,
Да кусочикъ прикусила,
И съ дороги отдыхать

СПбГУ

Опросилась на кровать.
Отвели они дѣвицу
Вверхъ во свѣтлую свѣтлицу,
И оставили одну
Отходящую ко сну.

День за днемъ идетъ, мелькая,
А Царевна молодая
Все въ лѣсу, не скучно ей
У семи богатырей.
Передъ утренней зарею
Братья дружною толпою
Выѣзжаютъ погулять,
Сѣрыхъ ушокъ пострѣлять,
Руку правую потѣшить,
Сорочина въ полѣ спѣшить,
Иль башку съ широкихъ плечь
У Татарина отсѣчь,
Или выправить изъ лѣса
Пятигорскаго Черкеса.

СПбГУ

А хозяюшкой она
Въ терему межъ тѣмъ одна
Приберетъ и приготовитъ.
Имъ она не прекословитъ,
Не перечитъ ей они.
Такъ идутъ за днями дни.

Братья милую дѣвицу
Полюбили. Къ ней въ свѣтлицу
Разъ, лишь только разсвѣло,
Всѣхъ ихъ семеро вошло.
Старшій молвилъ ей: »Дѣвица,
Знаешь: всѣмъ ты намъ сестрица,
Всѣхъ насъ семеро, тебя
Всѣ мы любимъ, за себя
Взять тебя мы всѣ бы ради,
Да нельзя, такъ Бога ради,
Помири насъ какъ нибудь:
Одному женою будь,
Прочимъ ласковой сестрою.

СПбГУ

Что жъ качаешь головою?
Аль отказываешь намъ?
Аль товаръ не по купцамъ?«

—»Ой вы, молодцы честные,
Братцы вы мои родные,«
Имъ Царевна говоритъ:
»Коли лгу, пусть Богъ велитъ
Не сойти живой мнѣ съ мѣста.
Какъ мнѣ быть? вѣдь я невѣста.
Для меня вы всѣ равны,
Всѣ удалы, всѣ умны,
Всѣхъ я васъ люблю сердечно;
Но другому я навѣчно
Отдана. Мнѣ всѣхъ милѣй
Королевичъ Елисей.

Братья молча постояли,
Да въ затылкѣ почесали.
«Спросъ не грѣхъ. Прости ты насъ,»

СПбГУ

Спарший молвилъ поклонясь:
»Коли шакъ, не заикнуся
Ужъ о томъ.« — »Я не сержуся,«
Тихо молвила она;
»И отказъ мой не вина.«
Женихи ей поклонились,
Пошихоньку удалились,
И согласно всѣ опять
Стали жить да поживать.

Между тѣмъ Царица злая,
Про Царевну вспоминая,
Не могла простить ее,
А на зеркальце свое
Долго дулась и сердилась;
Наконецъ объ немъ хватилась
И пошла за нимъ, и сѣвъ
Передъ нимъ, забыла гнѣвъ,
Красоваться снова стала,
И съ улыбкою сказала:

СПбГУ

«Здравствуй, зеркальце! скажи,
Да всю правду доложи:
Я ль на свѣтѣ всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?«
И ей зеркальце въ отвѣтъ:
«Ты прекрасна, спору нѣтъ;
Но живетъ безъ всякой славы,
Средь зеленыя дубравы,
У семи богатырей
Та, что все жъ тебя милѣй.«
И Царица налетѣла
На Чернавку: «Какъ ты смѣла
Обмануть меня? и въ чемъ!...»
Та призналася во всемъ,
Такъ и такъ. Царица злая,
Ей рогаткой угрожая,
Положила иль не жить,
Иль Царевну погубить.

Разъ Царевна молодая,
Милыхъ братьевъ поджидая,

ОГбГУ

Пряла, сидя подъ окномъ.
Вдругъ сердито подъ крыльцомъ
Песъ залаялъ, и дѣвица
Видитъ: нищая черница
Ходитъ по двору, клюкой
Отгоняя пса. «Постой,
Бабушка, постой немножко,«
Ей кричитъ она въ окошко,
«Пригрожу сама я псу
И кой-что тебѣ снесу.»
Отвѣчаетъ ей черница:
«Охъ ты, дитятко дѣвица!
Песъ прокляпый одолѣлъ,
Чуть до смерти не заѣлъ.
Посмотри, какъ онъ хлопочетъ!
Выдь ко мнѣ.« — Царевна хочетъ
Выдти къ ней и хлѣбъ взяла,
Но съ крылечка лишь сошла,
Песъ ей подъ поги — и ласть,
И къ старухѣ не пускаетъ;

СПбГУ

Лишь пойдетъ старуха къ ней,
Онъ, лѣснаго звѣря злѣй,
На старуху. Что за чудо?
«Видно выспался онъ худо,«
Ей Царевна говоритъ;
«На жъ, лови!« и хлѣбъ лепитъ.
Старушонка хлѣбъ поймала;
«Благодарствую, сказала,
Богъ тебя благослови;
Вотъ за то тебѣ, лови!«
И къ Царевнѣ наливное,
Молодое, золотое,
Прямо яблочко лепитъ. . . .
Песъ какъ прыгнетъ, завизжитъ. . . .
Но Царевна въ обѣ руки,
Хвать — поймала. «Ради скуки
Кушай яблочко, мой свѣтъ.
Благодарствуй за обѣдъ,«
Старушоночка сказала,
Поклонилась и пропала.

СПбГУ

И съ Царевной на крыльцо
Песъ бѣжитъ и ей въ лицо
Жалко смотритъ, грозно воетъ,
Словно сердце песье ноетъ,
Словно хочетъ ей сказать:
Брось! Она его ласкаетъ,
Треплетъ нѣжною рукою;
Что, Соколко, что съ тобою?
Лягъ! и въ комнату вошла,
Дверь тихонько заперла,
Подъ окно за пряжу сѣла
Ждать хозяевъ, а глядѣла
Все на яблоко. Оно
Соку спѣлаго полно,
Такъ свѣжо и такъ душисто,
Такъ румяно, золотисто,
Будто медомъ налилось!
Видны сѣмечки насквозь.
Подождать она хотѣла
До обѣда, не стерпѣла,

СПбГУ

Въ руки яблочко взяла,
Къ алымъ губкамъ поднесла,
Попихоньку прокусила,
И кусочикъ проглотила....
Вдругъ она, моя душа,
Пошатнулась не дыша,
Бѣлы руки опустила,
Плодъ румяный уронила,
Закатилися глаза,
И она подъ образа
Головой на лавку пала
И тиха, недвижна спала....

Братья въ ту пору домой
Возвращалися толпой
Съ молодецкаго разбоя.
Имъ на встрѣчу, громко воя,
Песъ бѣжитъ и ко двору
Путь имъ кажетъ. Не къ добру!
Братья молвили; печали
Не минуемъ. Прискакали,

СПбГУ

Входятъ, ахнули. Вбѣжавъ,
Песъ на яблоко стремглавъ
Съ лаемъ кинулся, озлился,
Проглотилъ его, свалился
И издохъ. Напоено
Было ядомъ знать оно.
Передъ мертвою Царевной
Братья въ горести душевной
Всѣ поникли головой,
И съ молитвою святой
Съ лавки подняли, одѣли,
Хоронить ее хотѣли
И раздумали. Она,
Какъ подъ крылышкомъ у сна,
Такъ тиха, свѣжа лежала,
Что лишь только не дышала.
Ждали три дня, но она
Не возстала отъ сна.
Сотворивъ обрядъ печальный,
Вотъ они во гробъ хрустальный

СПбГУ

Трупъ Царевны молодой
Положили, и толпой
Понесли въ Пустую гору,
И въ полуночную пору
Гробъ ея къ шести столбамъ
На цѣпяхъ чугунныхъ тамъ
Осторожно привинтили
И рѣшеткой оградили;
И предъ мертвою сестрой
Сотворивъ поклонъ земной,
Старшій молвилъ: «Спи во гробѣ;
Вдругъ погасла, жертвой злобѣ,
На землѣ твоя краса;
Духъ твой примутъ небеса.
Нами ты была любима
И для милаго хранима —
Не досталась никому,
Только гробу одному.«

Въ тотъ же день Царица злая,
Доброй вѣсти ожидая,

СПбГУ

Втайнѣ зеркальце взяла
И вопросъ свой задала:
«Я ль, скажи мнѣ, всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?»
И услышала въ отвѣтъ:
«Ты, Царица, спору нѣтъ,
Ты на свѣтѣ всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе.«

За невѣстою своей
Королевичъ Елисей
Между тѣмъ по свѣту скачетъ.
Нѣтъ какъ нѣтъ! Онъ горько плачетъ,
И кого не спроситъ онъ,
Всѣмъ вопросъ его мудренъ;
Кто въ глаза ему смѣется,
Кто скорѣе отвернется;
Къ красну солнцу наконецъ
Обратился молодецъ.
»Свѣтъ нашъ солнышко! ты ходишь

СПбГУ

Круглый годъ по небу, сводишь
Зиму съ теплою весной,
Всѣхъ насъ видишь подъ собой.
Аль откажешь мнѣ въ отвѣтѣ?
Не видало ль гдѣ на свѣтѣ
Ты Царевны молодой?
Я женихъ ей.« — »Свѣтъ ты мой,«
Красно солнце отвѣчало:
»Я Царевны не видало.
»Знать ее въ живыхъ ужъ нѣтъ.
»Развѣ мѣсяцъ, мой сосѣдъ,
»Гдѣ нибудь ее да встрѣтилъ,
»Или слѣдъ ея замѣтилъ.«

Темной почки Елисей
Дождался въ тоскѣ своей.
Только мѣсяцъ показался,
Онъ за нимъ съ мольбой погнался.
»Мѣсяцъ, мѣсяцъ, мой дружокъ,
Позолоченый рожокъ!

СПбГУ

Ты всплешь во шмѣ глубокой,
Круглолицый, свѣтлоокой,
И обычай швой любя,
Звѣзды смотрятъ на тебя.
Аль опкажешь мнѣ въ опвѣтѣ?
Не видалъ ли гдѣ на свѣтѣ
Ты Царевны молодой?
Я женихъ ей.« — »Братецъ мой,«
Опвѣчаетъ мѣсяцъ ясной:
»Не видалъ я дѣвы красной.
На сторожѣ я стою
Только въ очередь мою.
Безъ меня Царевна видно
Пробѣжала.« — »Какъ обидно!«
Королевичъ опвѣчалъ.
Ясный мѣсяцъ продолжалъ:
»Погоди; объ ней быть можетъ
Вѣперъ знаетъ. Онъ поможетъ.
Ты къ нему шеперь ступай,
Не печалься же, прощай.«

СПбГУ

Елисей не унывая
Къ вѣтру кинулся, взывая:
»Вѣтеръ, вѣтеръ! Ты могучъ,
Ты гоняешь стаи тучъ,
Ты волнуешь сине море,
Всюду вѣешь на просторѣ,
Не боишься никого,
Кромѣ Бога одного.
Аль ошкажешь мнѣ въ отвѣтѣ?
Не видалъ ли гдѣ на свѣтѣ
Ты Царевны молодой?
Я женихъ ея.« — »Постой,«
Отвѣчаетъ вѣтеръ буйный:
»Тамъ за рѣчкой тихоструйной
Есть высокая гора,
Въ ней глубокая нора;
Въ той норѣ, во тмѣ печальной,
Гробъ качается хрустальной
На цѣпяхъ между столбовъ.
Не видать ни чьихъ слѣдовъ

Вкругъ того пустаго мѣста,
Въ томъ гробу твоя невѣста.«

Вѣтеръ далѣ побѣжалъ.
Королевичъ зарыдалъ,
И пошолъ къ пустому мѣсту,
На прекрасную невѣсту
Посмотрѣть еще хоть разъ.
Вотъ идетъ; и поднялась
Передъ нимъ гора крутая;
Вкругъ нее страна пустая;
Подъ горою темный входъ.
Онъ туда скорѣй идетъ.
Передъ нимъ, во мглѣ печальной,
Гробъ качается хрустальной,
И въ хрустальномъ гробѣ томъ
Спитъ Царевна вѣчнымъ сномъ.
И о гробъ невѣсты милой
Онъ ударился всей силой.
Гробъ разбился. Дѣва вдругъ

СПбГУ

Ожила. Глядитъ вокругъ
Изумленными глазами,
И качаясь надъ цѣпями,
Привздохнувъ, произнесла:
»Какъ же долго я спала!«
И встаетъ она изъ гроба ....
Ахъ! ... и зарыдали оба.
Въ руки онъ ее береттъ
И на свѣтъ изъ тмы несетъ,
И бесѣдуя пріятно,
Въ путь пускаются обратно,
И трубитъ уже молва:
Дочка Царская жива!

Дома въ ту пору безъ дѣла
Злая мачиха сидѣла
Передъ зеркальцемъ своимъ
И бесѣдовала съ нимъ,
Говоря: »Я ль всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?«

СПбГУ

И услышала въ отвѣтъ:
»Ты прекрасна, слова нѣтъ,
Но Царевна все жъ милѣе,
Все румянѣй и бѣлѣе.«
Злая мачиха, вскочивъ,
Объ полъ зеркальце разбивъ,
Въ двери прямо побѣжала
И Царевну повстрѣчала.
Тутъ ее тоска взяла
И Царица умерла.
Лишь ее похоронили,
Свадьбу тотчасъ учинили,
И съ невѣстою своей
Обвѣнчался Елисей;
И никто съ начала міра
Не видалъ такого пира;
Я тамъ былъ, медъ пиво пилъ,
Да усы лишь обмочилъ.

СПбГУ

СПбГУ

БУДРЫСЪ

И ЕГО СЫНОВЬЯ.

(1833).

СПбГУ

СПбГУ

БУДРЫСЪ И ЕГО СЫНОВЬЯ.

Три у Будрыса сына, какъ и онъ, три Литвина.
Онъ пришелъ толковать съ молодцами.
Дѣти! сѣдла чините, лошадей проводите,
Да точите мечи съ бердышами.

Справедлива вѣсть эта: на три стороны свѣта
Три замышлены въ Вильнѣ похода.
Наз идетъ на Поляковъ, а Ольгердъ на Прусаковъ,
А на Русскихъ Кестутъ Воевода.

СПбГУ

Люди вы молодые, силачи удалые
(Да хранятъ васъ Литовскіе боги!)
Нынѣче самъ я не ѣду, васъ я шлю на побѣду;
Трое васъ, вотъ и три вамъ дороги.

Будетъ всѣмъ по наградѣ: пусть одинъ въ Новѣградѣ
Поживится отъ Русскихъ добычей.
Жены ихъ, какъ въ окладахъ, въ драгоцѣнныхъ нарядахъ;
Домы полны; богатъ ихъ обычай.

А другой отъ Прусаковъ, отъ прокляпыхъ Крыжаковъ,
Можетъ много достать дорогаго,
Денегъ съ цѣлаго свѣта, суконъ яркаго цвѣта. —
Янтаря — что песку тамъ морскаго.

Третій съ Пазомъ на Ляха пусть ударитъ безъ страха:
Въ Польшѣ мало богатства и блеску,
Сабель взять тамъ не худо; но ужъ вѣрно оттуда
Привезетъ онъ мнѣ на домъ невѣстку.

СПбГУ

Нѣтъ на свѣтѣ Царицы краше Польской дѣвицы.
Весела — что котенокъ у печки —
И какъ роза румяна, а бѣла, что смешана;
Очи свѣтятся будто двѣ свѣчки!

Былъ я, дѣти моложе, въ Польшу съѣздилъ я тоже,
И оттуда привезъ себѣ жонку;
Вотъ и вѣкъ доживаю, а всегда вспоминаю
Про нее, какъ гляжу въ ту сторонку.

Сыновья съ нимъ простились и въ дорогу пустились.
Ждетъ, пождетъ ихъ старикъ домовитый,
Дни за днями проводитъ, ни одинъ не приходитъ.
Будрысъ думалъ: ужъ видно убиты!

Снѣгъ на землю валится, сынъ дорогою мчится,
И подъ буркою ноша большая.
»Чѣмъ тебя надѣлили? что тамъ? Гей! не рубли ли?«
— »Нѣтъ, отецъ мой; Полячка младая.«

СПбГУ

Снѣгъ пушистый валится; всадникъ съ ношею мчится,
Черной буркой ее покрывая.
»Что подъ буркой такое? Не сукно ли цвѣтное?«
— »Нѣтъ, отецъ мой; Полячка младая.«

Снѣгъ на землю валится, третій съ ношею мчится,
Черной буркой ее прикрываетъ.
Старый Будрысъ хлопочетъ, и спросить ужъ не хочетъ,
А гостей на три свадьбы сзываетъ.

СПбГУ

ВОЕВОДА.

СПбГУ

СПбГУ

ВОЕВОДА.

Поздно ночью изъ похода
Воротился Воевода.
Онъ слугамъ велитъ молчать;
Въ спальню кинулся къ постелѣ;
Дернулъ пологъ..... Въ самомъ дѣлѣ!
Никого; пуста кровать.

*

СПбГУ

И, мрачнѣе черной ночи,
Онъ потупилъ грозны очи,
Сталъ крутить свой сивый усъ.....
Рукава назадъ закинулъ,
Вышелъ вонъ, замокъ задвинулъ;
»Гей, ты, кликнулъ, чорновъ кусъ!

»А зачѣмъ нѣтъ у забора
Ни собаки, ни затвора?
Я, васъ, хамы!..... Дай ружье;
Приготовь мѣшокъ, веревку,
Да сними съ гвоздя винтовку.
Ну, за мною!..... я жъ ее!«

Панъ и хлопецъ подъ заборомъ,
Тихимъ крадутся дозоромъ,
Входятъ въ садъ — и сквозь вѣшней,
На скамейкѣ у фонтана,
Въ бѣломъ платьѣ, видятъ, панна
И мужчина передъ ней.

СПбГУ

Говоритъ онъ: »Все пропало,
Чѣмъ лишь только я, бывало,
Наслаждался, что любилъ:
Бѣлой груди воздыханье,
Нѣжной ручки пожиманье,
Воевода все купилъ.

Сколько лѣтъ любой страдалъ я,
Сколько лѣтъ тебя искалъ я!
Отъ меня ты отперлась.
Не искалъ онъ, не страдалъ онъ;
Серебромъ лишь побряцалъ онъ,
И ему ты отдалась.

Я скакалъ во мракѣ ночи
Милой панны видѣть очи,
Руку нѣжную пожать;
Пожелать для новоселья
Много лѣтъ ей и веселья,
И потомъ навѣкъ бѣжать.«

СПбГУ

Панна плачетъ и тоскуетъ,
Онъ колѣни ей цѣлуетъ,
А сквозь вѣшви тѣ глядятъ,
Ружья на земь опустили,
По патрону откусили,
Вбили шомполомъ зарядъ.

Подступили осторожно.
»Панъ мой, цѣлить мнѣ не можно,«
Бѣдный хлопецъ прошепталъ:
»Вѣтеръ, что ли, плачутъ очи,
Дрожь беретъ; въ рукахъ нѣтъ мочи,
Порохъ въ полку не попалъ.«

»Тише ты, гайдучье племя!
Будешь плакать, дай мнѣ время!
Сыпь на полку .... Наводи ....
Цѣль ей въ лобъ. Лѣвѣе .... выше.
Съ паномъ справлюсь самъ. Попише;
Прежде я; ты погоди.«

СПбГУ

Выстрѣлъ по саду раздался.
Хлопецъ пана не дождался;
Воевода закричалъ,
Воевода пошатнулся . . . . .
Хлопецъ видно промахнулся:
Прямо въ лобъ ему попалъ.

СПбГУ

СПбГУ

КРАСАВИЦА.

(Въ Альбомъ Г****.)

Все въ ней гармонія, все диво,
Все выше міра и страстей:
Она покоится стыдливо
Въ красѣ торжественной своей;
Она кругомъ себя взираетъ:
Ей нѣтъ соперницъ, нѣтъ подругъ;
Красавицъ нашихъ блѣдный кругъ
Въ ея сіяньѣ исчезаетъ.

СПбГУ

Куда бы ты ни поспѣшалъ,
Хоть на любовное свиданье,
Какое - бъ въ сердцѣ ни питалъ
Ты сокровенное мечтанье;
Но встрѣтясь съ ней, смущенный, ты
Вдругъ остановишься невольно,
Благоговѣя богомольно
Передъ святыней красоты.

СПбГУ

СКАЗКА.

СПбГУ

СПбГУ

СКАЗКА

О

ЗОЛОТОМЪ ПѢТУШКѢ.

Нѣгдѣ въ придевятомъ царствѣ,
Въ придесятомъ государствѣ,
Жилъ былъ славный Царь Дадонъ.
Съ молоду былъ грозенъ онъ
И сосѣдямъ то и дѣло
Наносилъ обиды смѣло,
Но подъ старость захотѣлъ
Отдохнуть отъ ратныхъ дѣлъ
И покой себѣ устроить;
Тутъ сосѣди безпокоить

СПбГУ

Стали стараго Царя,
Страшный вредъ ему творя.
Чтобъ концы своихъ владѣній
Охранять отъ нападеній
Долженъ былъ онъ содержать
Многочисленную рать.
Воеводы не дремали
Но ни какъ не успѣвали:
Ждутъ бывало съ Юга, глядь —
Анъ съ Востока лѣзитъ рать,
Справятъ здѣсь, — лихіе гости
Идутъ отъ моря — со злости
Инда плакалъ Царь Дадонъ,
Инда забывалъ и сонъ.
Что и жизнь въ такой тревогѣ!
Вотъ онъ съ просьбой о помогѣ
Обратился къ мудрецу
Звѣздочету и скопцу —
Шлетъ за нимъ гонца съ поклономъ,
Вотъ мудрецъ передъ Дадономъ

СПбГУ

Спалъ и вынулъ изъ мѣшка
Золотаго пѣтушка.
Посади ты эту птицу,
Молвилъ онъ Царю, на спицу;
Пѣтушокъ мой золотой
Будетъ вѣрный сторожъ твой:
Коль кругомъ все будетъ мирно
Такъ сидѣть онъ будетъ смирно;
Но лишь чуть со стороны
Ожидать тебѣ войны,
Иль набѣга силы бранной,
Иль другой бѣды незванной,
Вмигъ тогда мой пѣтушокъ
Приподыметъ гребешокъ,
Закричитъ и встрепенется,
И въ то мѣсто обернется.
Царь скопца благодаритъ
Горы золота сулитъ —
За такое одолженье,
Говоритъ онъ въ восхищеньи,

СПбГУ

Волю первую твою
Я исполню, какъ мою.

Пѣпушокъ съ высокой спицы,
Спалъ стеречь его границы —
Чуть опасность гдѣ видна
Вѣрный сторожъ какъ сосна
Шевельнется, встрепенется,
Къ той сторонкѣ обернется
И кричитъ кири ку ку.
. . . . . .
И сосѣди присмирѣли,
Воевать уже не смѣли.
Таковой имъ Царь Дадонъ
Далъ отпоръ со всѣхъ сторонъ.

Годъ другой проходитъ мирно,
Пѣтушокъ сидитъ все смирно;
Вотъ однажды Царь Дадонъ
Страшнымъ шумомъ пробужденъ

СПбГУ

Царь ты нашъ! Отецъ народа!
Возглашаетъ Воевода,
Государь! проснись! бѣда!
Что такое Господа?
Говоритъ Дадонъ, зѣвая,
А? Кто тамъ? бѣда какая?
Воевода говоритъ:
Пѣтушокъ опять кричитъ,
Страхъ и шумъ во всей столицѣ.
Царь къ окошку — анъ на спицѣ,
Видитъ, бьется пѣтушокъ
Обратившись на Востокъ.
Медлить нечего: скорѣе!
Люди, на конь! Эй, живѣе!
Царь къ Востоку войско шлетъ,
Старшій сынъ его ведетъ.
Пѣтушокъ угомонился,
Шумъ ушихъ и Царь забылся.

Вотъ проходитъ восемь дней,
А отъ войска нѣтъ вѣстей:

Было - ль, не было - ль сраженья?
Нѣтъ Дадону донесенья.
Пѣтушокъ кричитъ опять —
Кличетъ Царь другую рать;
Сына онъ теперь меньшова
Шлетъ на выручку большова;
Пѣтушокъ опять утихъ.
Снова вѣсти нѣтъ отъ нихъ
Снова восемь дней проходятъ;
Люди въ страхѣ дни проводятъ,
Пѣтушокъ кричитъ опять,
Царь скликаетъ третью рать
И ведетъ ее къ Востоку
Самъ, не зная быть ли проку.

Войска идутъ день и ночь;
Имъ становится не въ мочь.
Ни побоища, ни стана,
Ни надгробнаго кургана
Не встрѣчаетъ Царь Дадонъ

СПбГУ

Что за чудо? мыслитъ онъ.
Вотъ осьмой ужъ день проходитъ,
Войско въ горы Царь приводитъ,
И промежъ высокихъ горъ
Видитъ шелковой шатеръ.
Все въ безмолвіи чудесномъ
Вкругъ шатра; въ ущельи тѣсномъ
Рать побитая лежитъ.
Царь Дадонъ къ шатру спѣшитъ...
Что за страшная картина!
Передъ нимъ его два сына
Безъ шеломовъ и безъ латъ
Оба мертвыя лежатъ,
Мечь вонзивши другъ во друга.
Бродятъ кони ихъ средь луга,
По притоптанной травѣ
По кровавой муравѣ.....
Царь завылъ: охъ дѣти, дѣти!
Горе мнѣ! попались въ сѣти
Оба наши сокола!

СПбГУ

Горе! смерть моя пришла.
Всѣ завыли за Дадономъ,
Застонала тяжкимъ стопомъ
Глубь долинъ и сердце горъ
Потряслося. Вдругъ шатеръ
Распахнулся ... и дѣвица,
Шамаханская Царица,
Вся сіяя какъ заря,
Тихо вступила Царя.
Какъ предъ солнцемъ птица ночи,
Царь умолкъ, ей глядя въ очи
И забылъ онъ передъ ней
Смерть обоихъ сыновей.
И она передъ Дадономъ
Улыбнулась — и съ поклономъ
Его за руку взяла
И въ шатеръ свой увела.
Тамъ за столъ его сажала,
Всякимъ яствомъ угощала,
Уложила опдыхать

На парчевую кровать
И потомъ недѣлю ровно —
Покорясь ей безусловно
Околдованъ, восхищенъ,
Пировалъ у ней Дадонъ.

Наконецъ и въ путь обратной
Со своею силой ратной
И съ дѣвицей молодой
Царь отправился домой.
Передъ нимъ молва бѣжала,
Быль и небыль разглашала.
Подъ столицей, близъ воротъ
Съ шумомъ встрѣтилъ ихъ народъ
Всѣ бѣгутъ за колесницей
За Дадономъ и Царицей —
Всѣхъ привѣтствуетъ Дадонъ. . . .
Вдругъ въ толпѣ увидѣлъ онъ,
Въ сарачинской шапкѣ бѣлой
Весь какъ лебедь посѣдѣлый

СПбГУ

Спарый другъ его скопецъ.

А ! здорово, мой отецъ,

Молвилъ Царь ему, что скажешь?

Подь поближе, что прикажешь?

Царь, отвѣтствуетъ мудрецъ ,

Разочтемся на конецъ.

Помнишь? за мою услугу

Обѣщался мнѣ, какъ другу,

Волю первую мою

Ты исполнить какъ свою.

Подаришъ ты мнѣ дѣвицу,

Шамаханскую Царицу ....

Крайне Царь былъ изумленъ.

Что ты? Спарцу молвилъ онъ,

Или бѣсъ въ тебя ввернулся,

Или ты съ ума рехнулся.

Что ты въ голову забралъ?

Я конечно обѣщалъ,

Но всему же есть граница.

И за чѣмъ тебѣ дѣвица?

СПбГУ

Полно знаешь ли кто я?
Попроси ты отъ меня
Хоть казну, хоть чинъ боярской,
Хоть коня съ конюшни Царской,
Хоть полъ Царства моего. —
— Не хочу я ничего.
Подари ты мнѣ дѣвицу,
Шамаханскую Царицу —
Говоритъ мудрецъ въ отвѣтъ —
Плюнулъ Царь: такъ лихъ же, нѣтъ!
Ничего ты не получишь.
Самъ себя ты грѣшникъ мучишь —
Убирайся, цѣлъ пока;
Отпущенне старика! —
Старичокъ хотѣлъ заспорить,
Но съ инымъ накладно вздорить;
Царь хватилъ его жезломъ
По лбу; тотъ упалъ ничкомъ
Да и духъ вонъ. — Вся столица
Содрогнулась — а дѣвица

СПбГУ

Хи хи хи да ха ха ха!
Не боится знать грѣха.
Царь хошь былъ встревоженъ сильно,
Усмѣхнулся ей умильно —
Вошъ — въѣзжаетъ въ городъ онъ....
Вдругъ раздался легкой звонъ
И въ глазахъ у всей сполицы
Пѣтушокъ спорхнулъ со спицы,
Къ колесницѣ полетѣлъ
И Царю на темя сѣлъ,
Встрепенулся, клюнулъ въ темя
И взвился... и въ тоже время
Съ колесницы, палъ Дадонъ —
Охнулъ разъ — и умеръ онъ —
А Царица вдругъ пропала,
Будто вовсе небывало —

. . . . . .
. . . . . .

СПбГУ

СКАЗКА.

СПбГУ

СПбГУ

СКАЗКА

О

РЫБАКѢ И РЫБКѢ.

Жилъ старикъ со своею старухой
У самаго синяго моря;
Они жили въ ветхой землянкѣ
Ровно тридцать лѣтъ и три года.
Старикъ ловилъ неводомъ рыбу
Старуха пряла свою пряжу.
Разъ онъ въ морѣ закинулъ неводъ,

СПбГУ

Пришелъ неводъ съ одною тиной.
Онъ въ другой разъ закинулъ неводъ,
Пришелъ неводъ съ травой морской.
Въ третій разъ закинулъ онъ неводъ,
Пришелъ неводъ съ золотой рыбкою,
Съ непростою рыбкой, золотою.
Какъ взмолится золотая рыбка,
Голосомъ молвитъ человѣчьимъ:
«Отпусти ты, старче, меня въ море,
«Дорогой за себя дамъ откупъ:
«Откуплюсь чѣмъ только пожелаешь.»
Удивился старикъ, испугался:
Онъ рыбачилъ тридцать лѣтъ и три года
И не слыхивалъ, чтобъ рыба говорила.
Отпустилъ онъ рыбку золотую
И сказалъ ей ласковое слово:
Богъ съ тобою, золотая рыбка!
Твоего мнѣ откупа не надо;
Ступай себѣ въ синее море,
Гуляй тамъ себѣ на просторѣ.

СПбГУ

Воротился старикъ ко старухѣ
Разсказалъ ей великое чудо.
Я сегодня поймалъ было рыбку,
Золотую рыбку, непростую;
По нашему говорила рыбка,
Домой въ море синее просилась,
Дорогою цѣною откупалась:
Откупалась чѣмъ только пожелаю.
Не посмѣлъ я взять съ нее выкупъ;
Такъ пустилъ ее въ синее море.
Старика старуха забранила
Дурачина ты, простофиля!
Не умѣлъ ты взять выкупа съ рыбки!
Хоть бы взялъ ты съ нее корыто,
Наше то совсѣмъ раскололось.
Вотъ пошелъ онъ къ синему морю:
Видитъ: море слегка разыгралось.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку,
Приплыла къ нему рыбка и спросила:
Чего тебѣ надобно, старче?

СПбГУ

Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
Смилуйся, Государыня рыбка,
Разбранила меня моя старуха,
Не даетъ старику мнѣ покою:
Надобно ей новое корыто;
Наше то совсѣмъ раскололось.
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ,
Будетъ вамъ новое корыто.
Воротился старикъ ко старухѣ,
У старухи новое корыто.
Еще пуще старуха бранится:
Дурачина ты, простофиля!
Выпросилъ, дурачина, корыто!
Въ корытѣ много-ли корысти?
Воротись, дурачина, ты къ рыбкѣ;
Поклонись ей, выпроси ужъ избу.
Вотъ пошелъ онъ къ синему морю,
(Помутилося синее море)
Сталъ онъ кликать золотую рыбку,

СПбГУ

Приплыла къ нему рыбка, спросила:
Чего тебѣ надобно, старче?
Ей старикъ съ поклономъ отвѣчаетъ:
Смилуйся, Государыня рыбка:
Еще пуще старуха бранится,
Не даетъ старику мнѣ покою:
Избу проситъ сварливая баба.
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ,
Такъ и быть: изба вамъ ужъ будетъ.
Пошелъ онъ ко своей землянкѣ,
А землянки нѣтъ ужъ и слѣда;
Передъ нимъ изба со свѣтелкой
Съ кирпичною, бѣленою трубою
Съ дубовыми, тѣсовыми вороты
Старуха сидитъ подъ окошкомъ,
На чемъ свѣтъ стоитъ мужа ругаетъ.
Дурачина ты, прямой простофиля!
Выпросилъ, простофиля, избу!
Воротись, поклонись рыбкѣ:

СПбГУ

Не хочу быть черной крестьянкой,
Хочу быть столбовою Дворянкой.

Пошелъ старикъ къ синему морю;
(Не спокойно синее море).
Сталъ онъ кликать золотую рыбку,
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
Чего тебѣ надобно, старче?
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
Смилуйся, Государыня рыбка:
Пуще прежняго старуха вздурилась,
Не даетъ старику мнѣ покою:
Ужъ не хочетъ быть она крестьянкой
Хочетъ быть столбовою дворянкой.
Отвѣчаетъ золотая рыбка
Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ.

Воротился старикъ къ старухѣ,
Что-жъ онъ видитъ? Высокій теремъ.
На крыльцѣ стоитъ его старуха;

СПбГУ

Въ дорогой собольей душегрѣйкѣ,
Парчевая на маковкѣ кичка,
Жемчуги окружили шею,
На рукахъ золотыя перстни,
На ногахъ красные сапожки.
Передъ нею усердные слуги;
Она бьетъ ихъ, за чупрунъ таскаетъ.
Говоритъ старикъ своей старухѣ:
Здравствуй, барыня сударыня дворянка!
Чай! теперь твоя душенька довольна.
На него прикрикнула старуха,
На конюшнѣ служить его послала.

Вотъ недѣля, другая проходитъ,
Еще пуще старуха вздурилась:
Опять къ рыбкѣ старика посылаетъ:
Воротись, поклонися рыбкѣ:
Не хочу быть столбовою дворянкой,
А хочу быть вольною Царицей.
Испугался старикъ, взмолился:

СПбГУ

Что ты, баба, белены объѣлась?
Ни ступить, ни молвить не умѣешь,
Насмѣшишь ты цѣлое царство.
Осердилася пуще старуха,
По щекѣ ударила мужа,
Какъ ты смѣешь, мужикъ, спорить со мною,
Со мною, дворянкой столбовою? —
Ступай къ морю, говорятъ тебѣ честью,
Не пойдешь поведутъ по неволѣ.

Старичокъ отправился къ морю
(Почернѣло синее море)
Сталъ онъ кликать золотую рыбку
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
Чего тебѣ надобно, старче?
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
Смилуйся, Государыня рыбка!
Опять моя старуха бунтуетъ:
Ужъ не хочетъ быть она дворянкой
Хочетъ быть вольною Царицей.

СПбГУ

Отвѣчаетъ золотая рыбка:
Не печалься, спунай себѣ съ Богомъ!
Добро! будетъ старуха Царицей! —

Старичокъ къ старухѣ воротился
Чтожъ? предъ нимъ Царскія палаты,
Въ палатахъ видитъ свою старуху,
За столомъ сидитъ она Царицей,
Служатъ ей Бояре, да Дворяне,
Наливаютъ ей заморскія вины;
Заѣдаетъ она пряникомъ печатнымъ;
Вкругъ стоитъ ея грозная стража,
На плечахъ топорики держатъ.
Какъ увидѣлъ старикъ, испугался;
Въ ноги онъ старухѣ поклонился,
Молвилъ, здравствуй, грозная Царица!
Ну теперь твоя душенька довольна.
На него старуха не взглянула,
Лишь съ очей прогнать его велѣла.
Подбѣжали Бояре и Дворяне,

СПбГУ

Спарика въ зашеи заполкали.
А въ дверяхъ-шо стража подбѣжала,
Топорами чушь не изрубила;
А народъ шо надъ нимъ насмѣялся:
По дѣломъ тебѣ, старый невѣжа!
Впредь тебѣ, невѣжа, наука:
Не садися не въ свои сани! —

Вотъ недѣля, другая проходитъ,
Еще пуще старуха вздурилась:
Царедворцевъ за мужемъ посылаетъ,
Отыскали старика, привели къ ней.
Говоритъ старику старуха:
Воротись, поклонися рыбкѣ,
Не хочу быть вольною Царицей,
Хочу быть владычицей морскою,
Чтобы жить мнѣ въ Окіанѣ морѣ,
Чтобъ служила мнѣ рыбка золотая
И была бъ у меня на посылкахъ.

СПбГУ

Старикъ не осмѣлился перечить,
Не дерзнулъ поперегъ слова молвить.
Вотъ идетъ онъ къ синему морю,
Видитъ, на морѣ черная буря:
Такъ и вздулись сердитыя волны,
Такъ и ходятъ, такъ воемъ и воютъ.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку,
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
Чего тебѣ надобно, старче?
Ей старикъ съ поклономъ отвѣчаетъ:
Смилуйся, Государыня рыбка!
Что мнѣ дѣлать съ проклятою бабой?
Ужъ не хочетъ быть она Царицей,
Хочетъ быть владычицей морской;
Чтобъ жить ей въ Окіанѣ морѣ,
Чтобы ты сама ей служила
И была бы у ней на посылкахъ. —
Ничего не сказала рыбка,
Лишь хвостомъ по водѣ плеснула
И ушла въ глубокое море.

СПбГУ

Долго у моря ждалъ онъ отвѣта,
Недождался, къ старухѣ воротился — —
Глядь: опять передъ нимъ землянка;
На порогѣ сидитъ его старуха,
А предъ нею разбитое корыто.

СПбГУ

РАЗГОВОРЪ

КНИГОПРОДАВЦА СЪ ПОЭТОМЪ.

СПбГУ

СПбГУ

РАЗГОВОРЪ

Книгопродавца съ Поэтомъ. *

Книгопродавецъ.

Спишки для васъ одна забава,
Немножко стоишъ вамъ присѣсть,
Ужъ разгласишь успѣла слава
Вездѣ пріятнѣйшую вѣсть :
Поэма, говоряшъ, готова,
Плодъ новый умственныхъ зашѣй.

* Было напечатано при первой главѣ Онѣгина.

СПбГУ

И такъ рѣшите; жду я слова:
Назначте сами цѣну ей.
Стишки любимца музъ и грацій
Мы вмигъ рублями замѣнимъ,
И въ пукъ наличныхъ ассигнацій
Листочки ваши обратимъ.
О чемъ вздохнули такъ глубоко,
Не льзя ль узнать?

Поэтъ.

Я былъ далеко:
Я время то воспоминалъ,
Когда, надеждами богатый,
Поэтъ безпечный, я писалъ
Изъ вдохновенья, не изъ платы.
Я видѣлъ вновь пріюты скалъ
И темный кровъ уединенья,
Гдѣ я на пиръ воображенья,
Бывало, музу призывалъ.
Тамъ слаще голосъ мой звучалъ;

Тамъ долѣ яркія видѣнья,
Съ неизъяснимою красой,
Вились, летали надо мной
Въ часы ночнаго вдохновенья.
Все волновало нѣжный умъ:
Цвѣтущій лугъ, луны блистанье,
Въ часовнѣ вешхой бури шумъ,
Старушки чудное преданье.
Какой - то демонъ обладалъ
Моими играми, досугомъ;
За мной повсюду онъ леталъ,
Мнѣ звуки дивные шепталъ,
И тяжкимъ, пламеннымъ недугомъ
Была полна моя глава;
Въ ней грезы чудныя раждались;
Въ размѣры стройные стекались
Мои послушныя слова
И звонкой рѣчью замыкались.
Въ гармоніи соперникъ мой
Былъ шумъ лѣсовъ, иль вихорь буйной,

СПбГУ

Иль иволги напѣвъ живой,
Иль ночью моря гулъ глухой,
Иль шопотъ рѣчки тихоструйной.
Тогда, въ безмолвіи трудовъ,
Дѣлишься не былъ я готовъ
Съ толпою пламеннымъ восторгомъ,
И музы сладостныхъ даровъ
Не унижалъ постыднымъ торгомъ;
Я былъ хранитель ихъ скупой:
Такъ точно, въ гордости нѣмой,
Отъ взоровъ черни лицемѣрной
Дары любовницы младой
Хранитъ любовникъ суевѣрной.

Книгопродавецъ.

Но слава замѣнила вамъ
Мечтанья шайнаго отрады:
Вы разошлися по рукамъ,
Межъ нѣмъ, какъ пыльныя громады
Лежалой прозы и стиховъ

Напрасно ждутъ себѣ чтецовъ,
И вѣтренной ея награды.

Поэтъ.

Блаженъ, кто про себя тайлъ
Души высокія созданья,
И опъ людей, какъ опъ могилъ,
Не ждалъ за чувство воздаянья!
Блаженъ, кто молча былъ поэтъ
И, терномъ славы неувитый,
Презрѣнной чернію забытый,
Безъ имени покинулъ свѣтъ!
Обманчивѣй и сновъ надежды,
Что слава? Шопотъ ли чтеца?
Гоненье ль низкаго невѣжды?
Иль восхищеніе глупца?

Книгопродавецъ.

Лордъ Байронъ былъ того же мнѣнья;
Жуковскій то же говорилъ:

СПбГУ

Но свѣтъ узналъ и раскупилъ
Ихъ сладкозвучныя творенья.
И впрямъ, завидѣнъ вашъ удѣлъ:
Поэтъ казнитъ, поэтъ вѣнчаетъ;
Злодѣевъ громомъ вѣчныхъ стрѣлъ
Въ потомствѣ дальнемъ поражаетъ;
Героевъ утѣшаетъ онъ;
Съ Коринной на Кіевскій тронъ
Свою любовницу возноситъ.
Хвала для васъ докучный звонъ;
Но сердце женщинъ славы проситъ:
Для нихъ пишите; ихъ устамъ
Пріятна лесть Анакреона:
Въ младыя лѣта розы намъ
Дороже лавровъ Геликона.

Поэтъ.

Самолюбивыя мечты,
Утѣхи юности безумной!
И я, средь бури жизни шумной,

Искалъ вниманья красоты.
Глаза прелестные чипали
Меня съ улыбкою любви;
Уста волшебныя шептали
Мнѣ звуки сладкіе мои:
Но полно; въ жертву имъ свободы
Мечтатель ужъ не принесетъ;
Пускай ихъ юноша поетъ,
Любезный баловень природы.
Что мнѣ до нихъ? Теперь въ глуши
Безмолвно жизнь моя несется;
Сонъ лиры вѣрной не коснется
Ихъ легкой, вѣтреной души;
Нечисто въ нихъ воображенье:
Не понимаетъ насъ оно,
И, признакъ Бога, вдохновенье
Для нихъ и чуждо и смѣшно.
Когда на память мнѣ невольно
Придетъ внушенный ими стихъ,
Я содрагаюсь, сердцу больно:

Мнѣ стыдно идоловъ моихъ.
Къ чему, несчастный, я стремился?
Предъ кѣмъ унизилъ гордый умъ?
Кого восторгомъ чистыхъ думъ
Боготворить ни устыдился?

Книгопродавецъ.

Люблю вашъ гнѣвъ. Таковъ поэтъ!
Причины вашихъ огорченій
Мнѣ знать нельзя; но изключеній
Для милыхъ дамъ уже ли нѣтъ?
Уже ли ни одна не стоитъ
Ни вдохновенья, ни страстей,
И вашихъ пѣсень не присвоитъ
Всесильной красотѣ своей?
Молчите вы.

Поэтъ.

Зачѣмъ поэту
Тревожить сердца тяжкій сонъ?

СПбГУ

Безплодно память мучитъ онъ.
И что жъ? Какое дѣло свѣту?
Я всѣмъ чужой. Душа моя
Хранитъ ли образъ незабвенный?
Любви блаженство зналъ ли я?
Тоскою ль долгой изнуренный,
Таилъ я слезы въ тишинѣ?
Гдѣ та была, которой очи,
Какъ небо, улыбались мнѣ?
Вся жизнь, одна ли, двѣ ли ночи?
. . . . . .
И что жъ? Докучный сионъ любви,
Слова покажутся мои
Безумца дикимъ лепетаньемъ.
Тамъ сердце ихъ пойметъ одно,
И то съ печальнымъ содраганьемъ:
Судьбою такъ ужъ рѣшено.
Ахъ, мысль о той души завялой
Могла бы юность оживить,
И сны поэзіи бывалой

СПбГУ

Толпою снова возмутить!
Она одна бы разумѣла
Стихи неясные мои;
Одна бы въ сердцѣ пламенѣла
Лампадой чистою любви.
Увы, напрасныя желанья!
Она отвергла заклинанья,
Мольбы, тоску души моей:
Земныхъ восторговъ излiянья,
Какъ божеству, ненужно ей.

Книгопродавецъ.

И такъ, любовью упоенной,
Наскуча лепетомъ молвы,
Заранѣ отказались вы
Отъ вашей лиры вдохновенной.
Теперь, оставя шумный свѣтъ,
И музъ, и вѣтреную моду,
Что жъ изберете вы?

СПбГУ

Поэтъ.

Свободу.

Книгопродавецъ.

Прекрасно. Вотъ же вамъ совѣтъ;
Внемлите истинѣ полезной:
Нашъ вѣкъ торгашъ; въ сей вѣкъ желѣзной
Безъ денегъ и свободы нѣтъ.
Что слава? Яркая заплата
На ветхомъ рубищѣ пѣвца.
Намъ нужно злата, злата, злата:
Копите злато до конца!
Предвижу ваше возраженье;
Но васъ я знаю, господа:
Вамъ ваше дорого твореньe,
Пока на пламени труда
Кипитъ, бурлитъ воображенье;
Оно застынетъ, и тогда
Постыло вамъ и сочиненье.

*

СПбГУ

Позвольте просто вамъ сказать:
Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать.
Что жъ медлить? Ужъ ко мнѣ заходятъ
Нетерпѣливые чтецы;
Вкругъ лавки журналисты бродятъ,
За ними тощіе пѣвцы:
Кто проситъ пищи для сатиры,
Кто для души, кто для пера;
И, признаюсь, отъ вашей лиры
Предвижу много я добра.

Поэтъ.

Вы совершенно правы. Вотъ вамъ моя рукопись.
Условимся.

СПбГУ

ПОДРАЖАНІЯ ДРЕВНИМЪ.

1.

(Изъ Ксенофана Колофонскаго.)

Чистый лоснится полъ; стекляныя чаши блистаютъ;
Всѣ ужъ увѣнчаны гости; иной обоняетъ, зажмурясь,
Ладона сладостный дымъ; другой открываетъ амфору,
Запахъ веселый вина разливая далече; сосуды
Свѣтлой, студеной воды, золотистые хлѣбы,
янтарный
Медъ и сыръ молодой: все готово; весь убранъ
цвѣтами

СПбГУ

Жертвенникъ. Хоры поютъ. Но въ началѣ трапезы, о други,
Должно творить возліянья, вѣщать благовѣщія рѣчи,
Должно Безсмертныхъ молить, да сподобятъ насъ чистой душою
Правду блюсти: вѣдь оно жъ и легче. Теперь мы приступимъ:
Каждый въ мѣру свою напивайся. Бѣда не велика
Въ ночь, возвращаясь домой, на раба опираться; но слава
Гостю, который за чашей бесѣдуетъ мудро и тихо!

СПбГУ

2.

(Изъ Аѳенея.)

Славная флейпа, Ѳеонъ, здѣсь лежишъ. Предводителя хоровъ
Спарецъ ослѣпшій отъ лѣтъ, нѣкогда Скѝрпалъ родилъ
И вдохновенный, нарекъ младенца Ѳеономъ. За чашей
Сладостно Вакха и Музъ славилъ пріятный Ѳеонъ.
Славилъ и Ва́пала онъ, молодаго красавца: прохожій!
Мимо гробницы спѣша, вымолви: здравствуй, Ѳеонъ!

СПбГУ

ЭЛЕГІЯ.

Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье
Мнѣ тяжело какъ смутное похмѣлье.
Но какъ вино — печаль минувшихъ дней
Въ моей душѣ чѣмъ старѣ, тѣмъ сильнѣй.
Мой путь унылъ. Сулитъ мнѣ трудъ и горе
Грядущаго волнуемое море.
Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать,
И вѣдаю, мнѣ будутъ наслажденья
Межъ горестей, заботъ и треволненья:
Порой опять гармоніей упьюсь,
Надъ вымысломъ слезами обольюсь,
И можетъ быть — на мой закатъ печальной
Блеснетъ любовь улыбкою прощальной.

СПбГУ

ПРЕДИСЛОВІЕ

КЪ ПѢСНЯМЪ

ЗАПАДНЫХЪ СЛАВЯНЪ.

СПбГУ

СПбГУ

Большая часть этихъ пьесъ взята мною изъ книги, вышедшей въ Парижѣ въ концѣ 1827 *года, подъ названіемъ:* La Guzla, ou choix de Poësies Illyriques, recueillies dans la Dalmatie, la Bosnie, la Croatie et l'herzegowine. *Неизвѣстный Издатель говорилъ въ своемъ предисловіи, что собирая нѣкогда безъискуственныя пѣсни полудикаго племени, онъ не думалъ ихъ обнародовать, но что потомъ, замѣтивъ распространяющійся вкусъ къ произведеніямъ иностраннымъ, особенно къ тѣмъ, которыя въ своихъ формахъ удаляются отъ классическихъ образцевъ, вспомнилъ онъ о собраніи своемъ, и по совѣту друзей, перевелъ нѣкоторыя изъ сихъ поэмъ, и проч. Сей неизвѣстный собиратель былъ никто иной какъ Мериме, острый и оригинальный писатель, Авторъ Театра*

Клары Газюль, Хроники времень Карла IX, Двойной Ошибки, и другихъ произведеній, чрезвычайно замѣчательныхъ въ глубокомъ и жалкомъ упадкѣ нынѣшней Французской Литературы. Поэтъ Мицкевичъ, критикъ зоркій и тонкій и знатокъ въ Славенской Поэзіи, не усумнился въ подлинности сихъ пьесъ, а какой-то ученый Нѣмецъ написалъ о нихъ пространную диссертацію.

Мнѣ очень хотѣлось знать, на чемъ основано изобрѣтеніе странныхъ сихъ пьесъ: **С.** *А. С., по моей просьбѣ, писалъ о томъ, къ Мериме, съ которымъ былъ онъ коротко знакомъ, и въ отвѣтъ получилъ слѣдующее письмо:*

Paris 18 Janvier 1835.

Je croyois, Monsieur, que la Guzla n'avoit eu que sept lecteurs, vous, moi et le prote compris; je vois avec bien du plaisir que j'en puis compter deux de plus ce qui forme un

joli total de neuf et confirme le proverbe que nul n'est prophête en son pays. Je répondrai candidement à vos questions. La Guzla a été composée par moi pour deux motifs, dont le premier étoit de me moquer de la couleur locale dans laquelle nous nous jetions à plein collier vers l'an de grace 1827. Pour vous rendre compte de l'autre motif je suis obligé de vous conter une histoire. En cette même année 1827, un de mes amis et moi nous avions formé le projet de faire un vogage en Italie. Nous étions devant une carte traçant au crayon notre itinéraire; Arrivés à Venise, sur la carte s'entend, et ennuyés des Anglais et des Allemands que nous rencontrions, je proposai d'aller à Trieste puis delà à Raguse. La proposition fut adoptée mais nous étions fort légers d'argent et cette „douleur nompareille" comme dit Rabelais nous arrêtais au milieu de nos plans. Je proposai alors d'écrire d'avance notre voyage, de le vendre à un libraire et d'employer le prix à voir si nous nous étions beaucoup trompés. Je

demandai pour ma part à colliger les poésies populaires et à les traduire, on me mit au défi, et le lendemain j'apportai à mon compagnon de voyage cinq ou six de ces traductions. Je passai l'automne à la campagne. On dejeunait à Midi et je me levais à dix heure, quand j'avois fumé un ou deux cigares ne sachant que faire, avant que les femmes ne paraissent au Salon, j'écrivois une ballade. Il en résulta un petit volume que je publiai en grand secret et qui mystifia deux ou trois personnes. Voici les sources où j'ai puisé cette couleur locale tant vantée: d'abord une petite brochure d'un consul de France à Bonialouka. J'en ai oublié le titre, l'analyse en seroit facile. L'auteur cherche à prouver que les Bosniaques sont de fiers cochons, et il en donne d'assez bonnes raisons. Il cite par-ci par-la quelques mots Illyriques pour faire parade de son savoir (il en savoit peut-être autant que moi). J'ai receuilli ces mots avec soin et les ai mis dans mes notes. Puis j'avois lu le chapitre intitulé De costumi dei

Morlachi dans le voyage en Dalmatie de Fortis. Il a donné le texte et la traduction de la complainte de la femme de Hassan Aga qui est reellement Illyrique; mais cette traduction étoit en vers. Je me donnai une peine infinie pour avoir une traduction littérale en comparant les mots du texte qui étoient répétés avec l'enterprêtation le l'abbé Fortis. A force de patience, j'obtins le mot à mot, mais j'étois embarrassé encore sur quelques points. Je m'adressai à un de mes amis qui sait le russe. Je lui lisais le texte en le prononcant à l'italienne, et il le comprit presque entièrement. Le bon fut, que Nodier qui avoit déterré Fortis et la ballade de Hassan Aga, et l'avoit traduite sur la traduction poétique de l'abbé, en la poétisant encore dans sa prose, Nodier cria comme un aigle que je l'avois pillé. Le premier vers illyrique est:

Seto se bieli u *gorje* zelenoi

Fortis à traduit:

Che mai biancheggia nel verde *Bosco*

Nodier a traduit bosco, par *plaine verdoyante*;

c'étoit mal tomber, car on me dit que *gorje* veut dire colline. Voila mon histoire. Faites mes excuses à M. Pouchkine. Je suis fier et honteux à la fois de l'avoir attrapé, и проч.

СПбГУ

ПѢСНИ

ЗАПАДНЫХЪ СЛАВЯНЪ.

СПбГУ

СПбГУ

1.

ВИДѢНІЕ КОРОЛЯ. 1)

Король ходитъ большими шагами
Взадъ-и-впередъ по палатамъ;
Люди спятъ — королю лишь не спится:
Короля Султанъ осаждаетъ,
Голову отсѣчь ему грозится
И въ Стамбулъ отослать ее хочетъ.

Часто онъ подходитъ къ окошку;
Не услышитъ-ли какого шума?

*

СПбГУ

Слышитъ, воетъ ночная птица,
Она чуетъ бѣду неминучу,
Скоро ей искать новой крови
Для своихъ птенцевъ горемычныхъ.

Не сова воетъ въ Ключъ-Градѣ,
Не луна Ключь-Городъ озаряетъ,
Въ церкви Божіей гремятъ барабаны,
Вся свѣчами озарена церковь.

Но никто барабановъ не слышитъ,
Никто свѣта въ церкви Божіей не видитъ,
Лишь король то слышалъ и видѣлъ;
Изъ палатъ своихъ онъ выходитъ
И идетъ одинъ въ Божію церковь.

Сталъ на паперти, дверь отворяетъ...
Ужасомъ въ немъ замерло сердце,
Но великую творитъ онъ молитву
И спокойно въ церковь Божію входитъ.

СПбГУ

Тутъ онъ видитъ чудное видѣнье:
На помостѣ валяются трупы,
Между ими хлещетъ кровь ручьями
Какъ потоки осени дождливой.
Онъ идетъ шагая черезъ трупы,
Кровь по щиколку [2]) ему досягаетъ . . .

Горе! въ церкви Турки и Ташары
И предатели враги *Богумилы.* [3])
На амвонѣ самъ Султанъ безбожный
Держитъ онъ на голо саблю,
Кровь по саблѣ свѣжая струится
Съ востріа до самой рукояти.

Короля незапный обнялъ холодъ:
Тутъ-же видитъ онъ отца и брата.
Предъ Султаномъ старикъ бѣдный справа
Униженно споя на колѣнахъ,
Подаетъ ему свою корону;
Слѣва, также споя на колѣнахъ,

СПбГУ

Его сынъ, Радивой окаянный,
Бусурманскою чалмою покрытый,
(Съ тою самою веревкою, которой
Удавилъ онъ несчастнаго старца),
Край полы у Султана цѣлуетъ,
Какъ холопъ наказанный *фалангой.* 4)

И Султанъ безбожный, усмѣхаясь,
Взялъ корону, растопталъ ногами,
И промолвилъ потомъ Радивою:
«Будь надъ Босніей моей ты властелиномъ,
Для гяуръ-христіянъ беглербеемъ. 5)
И отступникъ билъ челомъ Султану,
Трижды полъ окровавленный цѣлуя.

И Султанъ прислужниковъ кликнулъ,
И сказалъ: «Дашь кафтанъ Радивою! 6)
Не бархатной кафтанъ, не парчевой,
А содрать на кафтанъ Радивоя
Кожу съ брата его роднаго.»

СПбГУ

Бусурмане на короля наскочили,
До нага всего его раздѣли,
Атаганомъ ему кожу вспороли,
Стали драть руками и зубами,
Обнажили и мясо и жилы,
И до самыхъ костей ободрали,
И одѣли кожею Радивоя.

Громко мученикъ Господу взмолился:
«Правъ ты, Боже! меня наказуя!
«Плоть мою предай на растерзанье,
«Лишь помилуй мнѣ душу, Іисусе!»

При семъ имени церковь задрожала,
Все внезапно ушихнуло, померкло, —
Все исчезло — будто не бывало.

И король ощупью въ потемкахъ
Кое-какъ до двери добрался,
И съ молитвою на улицу вышелъ.

СПбГУ

Было тихо. Съ высокаго неба
Городъ бѣлый луна озаряла.
Вдругъ взвилась изъ-за города бомба, 7)
И пошли бусурмане на приступъ.

СПбГУ

2.

ЯПКО МАРНАВИЧЪ.

Что въ разъѣздахъ Бей Янко Марнавичъ?
Что ему дома не сидится?
Опъ чего двухъ ночей онъ сряду
Подъ одною кровлей не ночуетъ?
Али недруги его могучи?
Аль боится онъ кровомщенья?

СПбГУ

Не боится Бей Янко Марнавичъ
Ни враговъ своихъ, ни кровомщенья.
Но онъ бродитъ, какъ гайдукъ бездомный,
Съ той поры какъ Кирила умеръ.

Въ церкви Спаса они брашовались, [8]
И были по Богу братья;
Но Кирила несчастливый умеръ
Отъ руки имъ избраннаго брата.

Веселое было пированье,
Много пили меду и горѣлки;
Охмѣлѣли, обезумили гости,
Два могучіе Беи побранились.

Янко выстрѣлилъ изъ своего пистоля,
Но рука его пьяная дрожала.
Въ супротивника своего не попалъ онъ,
А попалъ онъ въ своего друга.
Съ того времени онъ тоскуя бродитъ,
Словно волъ ужаленный змѣею.

СПбГУ

Наконецъ онъ на родину воротился,
И вошелъ въ церковь святаго Спаса.
Тамъ день цѣлый онъ молился Богу,
Горько плача и жалостно рыдая.
Ночью онъ пришелъ къ себѣ на домъ,
И отужиналъ со своей семьею,
Потомъ легъ и женѣ своей молвилъ:
«Посмотри, жена, ты въ окошко.
Видишь ли церковь Спаса отселѣ?»
Жена вспала, въ окошко поглядѣла,
И сказала: «На дворѣ полночь,
За рѣкою густые туманы,
За туманомъ ничего не видно.»
Повернулся Янко Марнавичъ,
И тихонько сталъ читать молитву.

Помолившись, онъ опять ей молвилъ:
«Посмотри, что ты видишь въ окошко?»
И жена, поглядѣвъ, отвѣчала:
«Вижу, вонъ, малый огонёчикъ

Чуть-чуть брежжетъ въ темнотѣ за рѣкою.
Улыбнулся Янко Марнавичъ,
И опять сталъ тихонько молиться.

Помолясь, онъ опять женѣ молвилъ:
«Отвори-ка, женка, ты окошко:
Посмотри, что тамъ еще видно?»
И жена, поглядѣвъ, отвѣчала:
«Вижу я на рѣкѣ сіянье,
Близится оно къ нашему дому.»
Бей вздохнулъ, и съ постели свалился.
Тутъ и смерть ему приключилась.

СПбГУ

3.

БИТВА У ЗЕНИЦЫ-ВЕЛИКОЙ. 9)

Радивой поднялъ желтое знамя:
Онъ идетъ войной на бусурмана.
А Далматы, завидя наше войско,
Свои длинные усы закрутили,
На бекрень надѣли свои шапки,
И сказали: «Возьмите насъ съ собою: 10)
Мы хотимъ воевать бусурмановъ.»
Радивой дружелюбно ихъ принялъ

СПбГУ

И сказалъ имъ: «Милости просимъ!»
Перешли мы заповѣдную рѣчку,
Спали жечь Турецкія деревни,
А Жидовъ на деревьяхъ вѣшать. 11)
Беглербей со своими Бошняками
Противъ насъ пришелъ изъ Банялуки; 12)
Но лишь только заржали ихъ кони,
И на солнцѣ ихъ кривыя сабли
Засверкали у Зеницы-Великой,
Разбѣжались измѣнники Далматы;
Окружили мы тогда Радивоя
И сказали: «Господь Богъ поможетъ,
Мы домой воротимся съ тобою
И раскажемъ эту бишву нашимъ дѣтямъ.»
Спали биться мы тогда жестоко,
Всякъ изъ насъ трехъ воиновъ стоилъ;
Кровью были покрыты наши сабли
Съ острія по самой рукояти.
Но когда черезъ рѣчку спали
Тѣсной кучкою мы переправляться,

Селихтаръ [13]) съ крыла на насъ ударилъ
Съ новымъ войскомъ, съ конницею свѣжей.
Радивой сказалъ тогда намъ: «Дѣти,
«Слишкомъ много собакъ-бусурмановъ,
«Намъ управишься съ ними невозможно.
«Кто не раненъ, въ лѣсъ бѣги скорѣе,
«И спасайся тамъ отъ Селихтара.»
Всѣхъ-то насъ оставалось двадцать,
Всѣ друзья, родные Радивою,
Но и тутъ насъ пало девятнадцать.
Закричалъ Георгій Радивою:
«Ты садись, Радивой, поскорѣе
На коня моего воронаго;
Черезъ рѣчку вплавь переправляйся,
Конь тебя изъ погибели вымчитъ.»
Радивой Георгія не послушалъ,
Наземь сѣлъ, поджавъ подъ себя ноги.
Тутъ враги на него наскочили,
Отрубили голову Радивою.

СПбГУ

4.

ѲЕОДОРЪ И ЕЛЕНА.

. . . . . .

. . . . . .

Стамати былъ старъ и безсиленъ,
А Елена молода и проворна;
Она такъ-то его оттолкнула,
Что ушелъ онъ охая да хромая.
По дѣломъ тебѣ, старый безстыдникъ!
Ай да баба! отдѣлалась славно!

СПбГУ

Вотъ Сшамашн сшалъ думашь думу:
Какъ ему погубишь бы Елену?
Онъ къ Жиду лиходѣю приходишъ,
Отъ него онъ шребуешъ совѣша.
Жидъ сказалъ: «Сшупай на кладбище,
Опыщи подъ каменьями жабу,
И въ горшкѣ сюда принеси мнѣ.»

На кладбище приходишъ Сшамашн,
Опыскалъ подъ каменьями жабу, 14)
И въ горшкѣ Жиду ее приносишъ.
Жидъ на жабу проливаешъ воду,
Нарекаешъ жабу Иваномъ
(Грѣхъ великъ Христіанское имя
Нарещи шакой поганой швари!).
Они жабу всю потомъ изкололи,
И ее — ея жъ кровью напоили;
Напоивши, заставили жабу
Облизашь поспѣлую сливу.

СПбГУ

И Стамати мальчику молвилъ:
«Отнеси ты Еленѣ эту сливу,
Отъ моей племянницы въ подарокъ.»
Принесъ мальчикъ Еленѣ сливу,
А Елена тотчасъ ее съѣла.

Только съѣла поганую сливу,
Показалось бѣдной молодицѣ,
Что змія у ней въ животѣ шевелится.
Испугалась молодая Елена;
Она кликнула сестру свою меньшую.
Та ее молокомъ напоила,
Но змія въ животѣ все шевелилась.

Стала пухнуть прекрасная Елена,
Стали баить: Елена брюхата.
Каково-то будетъ ей отъ мужа,
Какъ воротится онъ изъ-за моря!
И Елена стыдится и плачетъ,
И на улицу выдти не смѣетъ,

СПбГУ

День сидитъ, ночью ей не спится.
Поминутно сестрицѣ повторяетъ:
«Что скажу я милому мужу?»

Круглый годъ проходитъ, и — Ѳеодоръ
Воротился на свою сторонку.
Вся деревня бѣжитъ къ нему на встрѣчу,
Всѣ его привѣтно поздравляютъ;
Но въ толпѣ не видитъ онъ Елены,
Какъ не ищетъ онъ ее глазами.
«Гдѣ жъ Елена?« наконецъ онъ молвилъ.
Кто смутился, а кто усмѣхнулся,
Но никто не отвѣчалъ ни слова.

Пришелъ онъ въ домъ свой, — и видитъ,
На постелѣ сидитъ его Елена.
„Встань Елена,» говоритъ Ѳеодоръ.
Она встала, — онъ взглянулъ сурово.
Господинъ ты мой, клянусь Богомъ
И пречистымъ именемъ Маріи,

*

Предъ тобою я невиновата,
Испортили меня злые люди.»

Но Ѳеодоръ женѣ не повѣрилъ:
Онъ отсѣкъ ей голову по плечи.
Отсѣкши, онъ самъ себѣ молвилъ:
«Не сгублю я невиннаго младенца,
Изъ нее выну ее живаго,
При себѣ воспитывать буду.
Я увижу, на кого онъ походитъ,
Такъ навѣрно отца его узнаю
И убью своего злодѣя.»

Распоролъ онъ мертвое тѣло.
Что-жъ! — на мѣсто милаго дитяти,
Онъ черную жабу находитъ.
Взвылъ Ѳеодоръ: «Горе мнѣ убійцѣ!
Я сгубилъ Елену пренапрасну:
Предо мной она была невинна,
А испортили ее злые люди.»

СПбГУ

Поднялъ онъ голову Елены,
Сталъ ее цѣловать умиленно,
И мертвыя уста отворились,
Голова Елены провѣщала:

«Я невинна. Жидъ и старый Спаманди
Черной жабой меня окормили.»
Тутъ опять уста ея сомкнулись
И языкъ пересталъ шевелиться.

И Ѳеодоръ Спаманди зарѣзалъ,
А Жида убилъ какъ собаку,
И отпѣлъ по женѣ панихиду.

СПбГУ

5.

ВЛАХЪ ВЪ ВЕНЕЦІИ. (15)

Какъ покинула меня Парасковья
И какъ я съ печали промотался,
Вотъ Далматъ пришелъ ко мнѣ лукавый:
«Спупай, Дмитрій, въ морской шы городъ,
Тамъ цехины чшо у насъ каменья.

«Тамъ солдашы въ шелковыхъ кафшанахъ,
И только чшо пьюшъ да гуляюшъ:

СПбГУ

Скоро шамъ ты разбогатѣешь,
И воротишься въ шипомъ долиманѣ
Съ кинжаломъ на серебряной цѣпочкѣ.

«И тогда-то играй себѣ на гусляхъ;
Красавицы побѣгутъ къ окошкамъ,
И подарками тебя закидаютъ.
Эй, послушайся! отправляйся моремъ;
Воротись, когда разбогатѣешь.»

Я послушался лукаваго Далмата.
Вотъ живу въ этой мраморной лодкѣ,
Но мнѣ скучно, хлѣбъ ихъ мнѣ какъ камень,
Я неволенъ какъ на привязи собака.

Надо мною женщины смѣются,
Когда слово я по нашему молвлю;
Наши здѣсь языкъ свой позабыли,
Позабыли и нашъ родной обычай:
Я завялъ какъ пересаженный кустикъ.

СПбГУ

Какъ у насъ бывало кого встрѣчу,
Слышу — Здравствуй Дмитрій Алексѣичъ!
Здѣсь не слышу добраго привѣта,
Не дождуся ласковаго слова;
Здѣсь я точно бѣдная мурашка,
Занесенная въ озеро бурей.

СПбГУ

6.

ГАЙДУКЪ ХРИЗИЧЪ.

Въ пещерѣ, на острыхъ каменьяхъ
Припаялся храбрый Гайдукъ Хризичъ. 16)
Съ нимъ жена его Каперина,
Съ нимъ его два милые сына,
Имъ нельзя изъ пещеры выдти,
Сперегутъ ихъ недруги злые.
Коли чуть они голову подымутъ,
Въ нихъ прицѣлятся тотчасъ сорокъ ружей.

СПбГУ

Они три дня, три ночи не ѣли,
Пили только воду дождевую,
Накопленную во впадинѣ камня.
На четвертый взошло красно-солнце,
И вода во впадинѣ изсякла.
Тогда молвила, вздохнувши, Катерина:
«Господь Богъ! помилуй наши души!»
И упала мертвая на землю.
Хризичъ глядя на нее не заплакалъ,
Сыновья плакать при немъ не смѣли;
Они только очи опирали
Какъ отъ нихъ отворачивался Хризичъ.
Въ пятый день старшій сынъ обезумѣлъ,
Сталъ глядѣть онъ на мертвую матерь,
Будто волкъ на спящую козу.
Его братъ, видя то, испугался.
Закричалъ онъ старшему брату:
«Милый братъ! не губи свою душу;
Ты напейся горячей моей крови,
А умремъ мы голодною смертью,

СПбГУ

Спанемъ мы выходишь изъ могилы
Кровь сосашь нашихъ недруговъ спящихъ.» [17])
Хризичъ всталъ и промолвилъ: «Полно!
«Лучше пуля, чѣмъ голодъ и жажда.»
И всѣ трое со скалы въ долину
Сбѣжали какъ бѣшеные волки.
Семерыхъ убилъ изъ нихъ каждый,
Семью пулями каждый изъ нихъ проспрѣленъ;
Головы враги у нихъ отсѣкли
И на копья свои насадили, —
А и тушъ глядѣпть на нихъ не смѣли.
Такъ имъ страшенъ былъ Хризичъ съ сыновьями.

СПбГУ

7.

ПОХОРОННАЯ ПѢСНЯ,

Іакинфа Магдановича. [18])

Съ Богомъ, въ дальнюю дорогу!
Путь найдешь ты, слава Богу.
Свѣтитъ мѣсяцъ; ночь ясна
Чарка выпита до дна.

Пуля легче лихорадки;
Воленъ умеръ ты какъ жилъ.
Врагъ твой мчался безъ оглядки;
Но твой сынъ его убилъ.

СПбГУ

Вспоминай насъ за могилой,
Коль сойдетесь какъ-нибудь;
Отъ меня отцу, братъ милой,
Поклониться не забудь!

Ты скажи ему, что рана
У меня ужъ зажила;
Я здоровъ, — и сына Яна
Мнѣ хозяйка родила.

Дѣду въ честь онъ названъ Яномъ:
Умный мальчикъ у меня;
Ужъ владѣетъ Ашаганомъ,
И стрѣляетъ изъ ружья.

Дочь моя живетъ въ Лизгорѣ;
Съ мужемъ ей не скучно тамъ.
Тваркъ ушелъ давно ужъ въ море;
Живъ иль нѣтъ, — узнаешь самъ.

СПбГУ

Съ Богомъ, въ дальнюю дорогу!
Путь найдешь ты, слава Богу.
Свѣтитъ мѣсяцъ; ночь ясна
Чарка выпита до дна.

СПбГУ

8.

МАРКО ЯКУБОВИЧЪ.

У воротъ сидѣлъ Марко Якубовичъ;
Передъ нимъ сидѣла его Зоя,
А мальчишка ихъ игралъ у порогу.
По дорогѣ къ нимъ идетъ незнакомецъ,
Блѣденъ онъ и чуть ноги волочитъ,
Проситъ онъ напиться, ради Бога.
Зоя встала и пошла за водою,
И прохожему вынесла ковшикъ,
И прохожій до дна его выпилъ.

СПбГУ

Вотъ, напившись, говоритъ онъ Маркѣ:
«Это что подъ горою тамъ видно?»
Отвѣчаетъ Марко Якубовичъ:
«То кладбище наше родовое»
Говоритъ незнакомый прохожій:
«Отдыхать мнѣ на вашемъ кладбищѣ,
Потому что мнѣ жить ужъ не долго.»
Тутъ широкій розвилъ онъ поясъ,
Кажетъ Маркѣ кровавую рану.
«Три дня, молвилъ, ношу я подъ сердцемъ
Бусурмана свинцовую пулю.
Какъ умру, ты зарой мое тѣло
За горой, подъ зеленою ивой.
И со мной положи мою саблю,
Потому что я славный былъ воинъ.«

Поддержала Зоя незнакомца,
А Марко сталъ осматривать рану.
Вдругъ сказала молодая Зоя:
Помоги мнѣ, Марко, я не въ силахъ

Поддержать гостя нашего долѣ.»
Тутъ увидѣлъ Марко Якубовичъ,
Что прохожій на рукахъ ея умеръ.

Марко сѣлъ на коня воронаго,
Взялъ съ собою мертвое тѣло,
И поѣхалъ съ нимъ на кладбище.
Тамъ глубокую вырыли могилу,
И съ молитвой мертвеца схоронили.
Вотъ проходитъ недѣля, другая,
Сталъ худѣть сыночикъ у Марка;
Пересталъ онъ бѣгать и рѣзвиться,
Все лежалъ на рогожѣ да охалъ.
Къ Якубовичу Калуеръ приходитъ, —
Посмотрѣлъ на ребенка, и молвилъ:
«Сынъ твой боленъ опасною болѣзнью;
Посмотри на бѣлую его шею:
Видишь ты кровавую ранку? 19)
Это зубъ Вурдалака, повѣрь мнѣ.»

СПбГУ

Вся деревня за старцемъ Калуеромъ
Отправилась тотчасъ на кладбище;
Тамъ могилу прохожаго разрыли,
Видятъ, — трупъ румяный и свѣжій, —
Ногти выросли какъ воронья когти,
А лице обросло бородою, —
Алой кровью вымазаны губы, —
Полна крови глубокая могила.
Бѣдный Марко коломъ замахнулся,
Но мертвецъ завизжалъ, и проворно
Изъ могилы въ лѣсъ бѣгомъ пустился.
Онъ бѣжалъ быстрѣе чѣмъ лошадь,
Стременами острыми язвима;
И кусточки подъ нимъ шакъ и гнулись,
А суки деревъ шакъ и трещали,
Ломаясь какъ замерзлыя прутья.

Калуеръ могильною землею 20)
Ребенка больнаго всего выперъ,
И весь день творилъ надъ нимъ молитвы.

СПбГУ

На закатѣ краснаго солнца
Зоя мужу своему сказала:
«Помнишь? ровно тому двѣ недѣли,
Въ эту пору умеръ злой прохожій.»

Вдругъ собака громко завыла,
Отворилась дверь сама собою,
И вошелъ великанъ, наклонившись,
Сѣлъ онъ, ноги подъ себя поджавши,
Потолка головою касаясь.
Онъ на Марка глядѣлъ неподвижно,
Неподвижно глядѣлъ на него Марко
Очарованъ ужаснымъ его взоромъ;
Но старикъ, молитвенникъ раскрывши,
Запалилъ кипарисную вѣтку,
И подулъ дымъ на великана.
И затрясся Вурдалакъ прокляты̀й,
Въ двери бросился, и бѣжать пустился,
Будто волкъ охотникомъ гонимый.

*

СПбГУ

На другія сутки въ ту же пору
Песъ залаялъ, дверь отворилась,
И вошелъ человѣкъ незнакомый.
Былъ онъ ростомъ, какъ Цесарскій рекрутъ.
Сѣлъ онъ молча и спалъ глядѣнь на Марко;
Но старикъ молитвой его прогналъ.

Въ третій день вошелъ карликъ малый, —
Могъ бы онъ верьхомъ сидѣть на крысѣ,
Но сверкали у него злыя глазки.
И старикъ въ третій разъ его прогналъ,
И съ тѣхъ поръ ужъ онъ не возвращался.

СПбГУ

9.

БОНАПАРТЪ И ЧЕРНОГОРЦЫ.

«Черногорцы? что такое?»
Бонапарте вопросилъ:
«Правда ль: это племя злое,
«Не боится нашихъ силъ?

«Такъ раскаятся жъ нахалы:
«Объявите ихъ старшинамъ,
«Чтобы ружья и кинжалы
«Всѣ несли къ моимъ ногамъ.»

СПбГУ

Вотъ онъ шлетъ на насъ пѣхоту
Съ сотней пушекъ и мортиръ,
И своихъ Мамлюковъ роту,
И косматыхъ Кирасиръ.

Намъ сдаваться нѣтъ охоты, —
Черногорцы шаковы!
Для коней и для пѣхоты
Камни есть у насъ и рвы.....

Мы засѣли въ наши норы
И гостей незваныхъ ждемъ, —
Вотъ они вступили, въ горы,
Истребляя все кругомъ.

. . . . . .
. . . . . .

Идутъ тѣсно подъ скалами.
Вдругъ, смятеніе!... Глядятъ:

СПбГУ

У себя надъ головами
Красныхъ шапокъ видятъ рядъ.

«Стой! пали! Пустимъ каждый сбросимъ
Черногорца одного.
Здѣсь пощады врагъ не просимъ:
Не щадимъ жъ никого!»

Ружья грянули, — упали
Шапки красныя съ шестовъ:
Мы подъ ними ницъ лежали,
Притаясь между кустовъ.

Дружнымъ залпомъ отвѣчали
Мы Французамъ: — «Это что?»
Удивясь, они сказали:
«Эхо, что-ли?» Нѣтъ не то!

Ихъ полковникъ повалился.
Съ нимъ сто двадцать человѣкъ.

СПбГУ

Весь отрядъ его смутился,
Кто какъ могъ пустился въ бѣгъ.

И Французы ненавидятъ
Съ той поры нашъ вольный край,
И краснѣютъ, коль завидятъ
Шапку нашу не взначай.

СПбГУ

10.

СОЛОВЕЙ.

Соловей мой, соловейко
Пшица малая лѣсная!
У тебя ль у малой пшицы
Незамѣнныя три пѣсни,
У меня ли у молодца
Три великія заботы!
Какъ ужъ первая забота,
Рано молодца женили;
А вторая-то забота, —
Воронъ конь мой приломился;

СПбГУ

Какъ ужъ третья-то забопа —
Красну дѣвицу со мною
Разлучили злые люди.
Выкопайте мнѣ могилу
Во полѣ, полѣ широкомъ,
Въ головахъ мнѣ посадите
Алы цвѣтники цвѣточки,
А въ ногахъ мнѣ проведите
Чисту воду ключевую.
Пройдутъ мимо красны дѣвки,
Такъ сплетутъ себѣ вѣночки.
Пойдутъ мимо спары люди,
Такъ воды себѣ зачерпнутъ.

СПбГУ

11.

ПѢСНЯ О ГЕОРГІѢ ЧЕРНОМЪ.

Не два волка въ оврагѣ грызутся,
Отецъ съ сыномъ въ пещерѣ браняшся.
Старый Петро сына укоряетъ:
«Бунтовщикъ ты, злодѣй прокляпый!
Не боишься ты Господа Бога,
Гдѣ тебѣ съ Султаномъ тягаться,
Воевать съ Бѣлградскимъ пашею!
Аль о двухъ головахъ ты родился?
Пропадай ты себѣ, окаянный,
Да за чѣмъ ты всю Сербію губишь?»

СПбГУ

Отвѣчаетъ Георгій угрюмо:
«Изъ ума старикъ, видно, выжилъ,
Коли лаешь безумныя рѣчи.»
Старый Петро пуще осердился,
Пуще онъ бранится, бушуетъ.
Хочетъ онъ отправиться въ Бѣлградъ,
Туркамъ выдать ослушнаго сына,
Объявить убѣжище Сербовъ.
Онъ изъ темной пещеры выходитъ;
Георгій старика догоняетъ:
«Воротися, отецъ, воротися!
Отпусти мнѣ невольное слово.»
Старый Петро не слушаетъ, грозится:
«Вотъ уже, разбойникъ, тебѣ будетъ!»
Сынъ ему впередъ забѣгаетъ,
Старику кланяется въ ноги.
Не взглянулъ на сына старый Петро.
Догоняетъ вновь его Георгій,
И хватаетъ за сивую косу.
«Воротись, ради Господа Бога:

Не введи ты меня въ искушенье!»
Оттолкнулъ старикъ его сердито,
И пошелъ по Бѣлградской дорогѣ.
Горько, горько, Георгій заплакалъ,
Пистолетъ изъ-за пояса вынулъ,
Взвелъ курокъ, да и выстрѣлилъ тутъ же.
Закричалъ Петро, зашатавшись:
«Помоги мнѣ, Георгій, я раненъ!»
И упалъ на дорогу бездыханенъ.
Сынъ бѣгомъ въ пещеру воротился;
Его мать вышла ему на встрѣчу.
«Что, Георгій, куда дѣлся Петро?»
Отвѣчаетъ Георгій сурово:
«За обѣдомъ старикъ пьянъ напился,
И заснулъ на Бѣлградской дорогѣ.» [21])
Догадалась она, завопила:
«Будь же Богомъ проклятъ ты, черный,
Коль убилъ ты отца роднаго!»
Съ той поры Георгій Петровичъ
У людей прозывается Черный.

СПбГУ

12.

ВОЕВОДА МИЛОШЪ.

Надъ Сербіей смилуйся Ты, Боже!
Заѣдаютъ насъ волки Янычары!
Безъ вины намъ головы рѣжутъ,
Нашихъ женъ обижаютъ, позоряютъ,
Сыновей въ неволю забираютъ,
Красныхъ дѣвокъ заставляютъ въ насмѣшку
Распѣвать зазорныя пѣсни
И плясать басурманскія пляски.
Старики даже съ нами согласны:
Унимать насъ они переспали, —

СПбГУ

Ужъ и имъ нестерпимо насилье.
Гусляры насъ въ глаза укоряютъ:
Долго ль вамъ мирволить Янычарамъ?
Долго ль вамъ терпѣть оплеухи?
Или вы ужъ не Сербы, — Цыганы!
Или вы не мужчины, — старухи?
Вы бросайте ваши бѣлые домы,
Уходите въ Велійское ущелье, —
Тамъ гроза готовится на Турокъ,
Тамъ дружину свою собираетъ
Старый Сербинъ, воевода Милошъ.

СПбГУ

13.

ВУРДАЛАКЪ.

Трусоватъ былъ Ваня бѣдный:
Разъ онъ позднею порой,
Весь въ попу, отъ страха блѣдный,
Чрезъ кладбище шелъ домой.

Бѣдный Ваня еле дышетъ,
Спотыкаясь, чуть бредетъ
По могиламъ; вдругъ онъ слышитъ, —
Кто-то кость, ворча, грызетъ.

СПбГУ

Ваня сталъ; — шагнуть не можетъ.
Боже! думаетъ бѣднякъ,
Это вѣрно кости гложетъ
Красногубый Вурдалакъ.

Горе! малый я не сильный;
Съѣстъ Упырь меня совсѣмъ,
Если самъ земли могильной
Я съ молитвою не съѣмъ.

Что-же? вмѣсто Вурдалака —
(Вы представьте Вани злость!)
Въ темнотѣ предъ нимъ собака
На могилѣ гложетъ кость.

СПбГУ

14.

СЕСТРА И БРАТЬЯ [22].

Два дубочка выроспали рядомъ,
Между ими тонковерхая елка.
Не два дуба рядомъ выроспали,
Жили вмѣспѣ два браница родные:
Одинъ Павелъ, а другой Радула,
А межъ ими сестра ихъ Елица.
Сестру братья любили всѣмъ сердцемъ,
Всякую ей оказывали милость;
Напослѣдокъ ей ножъ подарили

СПбГУ

Золоченый въ серебряной оправѣ.
Огорчилась молодая Павлиха
На золовку, стало ей завидно;
Говоритъ она Радуловой любѣ:
«Невѣстушка, по Богу сестрица!
Не знаешь ли ты зелія такова,
Чтобъ сестра омерзѣла братьямъ?»
Отвѣчаетъ Радулова люба:
«По Богу сестра моя, невѣстка,
Я не знаю зелія такова;
Хоть бы знала, тебѣ бъ не сказала;
И меня братья мои любили,
И мнѣ всякую оказывали милость.»
Вотъ пошла Павлиха къ водопою,
Да зарѣзала коня воронаго,
И сказала своему господину:
«Самъ себѣ на зло сестру ты любишь,
На бѣду даришь ей подарки:
Извела она коня воронаго.»
Спалъ Елицу допытывать Павелъ:

*

СПбГУ

«За что это? скажи Бога ради.»
Сестра брату съ плачемъ отвѣчаетъ:
«Не я, братецъ, клянусь тебѣ жизнью,
Клянусь жизнью твоей и моею!»
Въ ту пору братъ сестрѣ повѣрилъ,
Вотъ Павлиха пошла въ садъ зеленый,
Сиваго сокола шамъ заколола,
И сказала своему господину:
«Самъ себѣ на зло сестру ты любишь,
На бѣду даришь ты ей подарки:
Вѣдь она сокола заколола.»
Сталъ Елицу допытывать Павелъ:
«За что это? скажи Бога ради.»
Сестра брату съ плачемъ отвѣчаетъ:
«Не я братецъ, клянусь тебѣ жизнью,
Клянусь жизнью твоей и моею!»
И въ ту пору братъ сестрѣ повѣрилъ.
Вотъ Павлиха по вечеру поздно
Ножъ украла у своей золовки,
И ребенка своего заколола

Въ колыбелькѣ его золоченой.
Рано упромъ къ мужу прибѣжала,
Громко воя и лице терзая.
«Самъ себѣ на зло сестру ты любишь,
На бѣду даришь ты ей подарки:
Заколола у насъ она ребенка.
А когда еще ты мнѣ не вѣришь,
Осмотри ты ножъ ея злаченый.»
Вскочилъ Павелъ, какъ услышалъ это,
Побѣжалъ къ Елицѣ, во свѣтлицу:
На перинѣ Елица почивала,
Въ головахъ ножъ висѣлъ злаченый.
Изъ ноженъ вынулъ его Павелъ, —
Ножъ злаченый весь былъ окровавленъ.
Дернулъ онъ сестру за бѣлу руку;
«Ой сестра, убей тебя Боже!
Извела ты коня воронаго,
И въ саду сокола заколола;
Да за что ты зарѣзала ребенка?»
Сестра брату съ плачемъ отвѣчаетъ:

СПбГУ

«Не я братецъ, клянусь тебѣ жизнью,
Клянусь жизнью твоей и моею!
Коли жъ ты не вѣришь моей клятвѣ,
Выведи меня въ чистое поле,
Привяжи къ хвостамъ коней борзыхъ,
Пусть они мое бѣлое тѣло
Разорвутъ на четыре части.»
Въ ту пору братъ сестрѣ не повѣрилъ;
Вывелъ онъ ее въ чистое поле,
Привязалъ ко хвостамъ коней борзыхъ,
И погналъ ихъ по чистому полю.
Гдѣ попала капля ея крови,
Выросли тамъ алыя цвѣточки;
Гдѣ осталось ея бѣлое тѣло,
Церковь тамъ надъ ней соорудилась.
Прошло малое послѣ того время,
Захворала молодая Павлиха:
Девять лѣтъ Павлиха все хвораетъ, —
Выросла трава сквозь ея кости,
Въ той травѣ люты змѣй гнѣздится,

СПбГУ

Пьетъ ей очи, самъ уходитъ къ ночи.
Люто страждетъ молода Павлиха;
Говоритъ она своему господину:
«Слышишь ли, господинъ ты мой, Павелъ,
Сведи меня къ золовкиной церкви,
У той церкви авось исцѣлюся.»
Онъ повелъ ее къ сестриной церкви,
И какъ были они уже близко,
Вдругъ изъ церкви услышали голосъ:
«Не входи, молодая Павлиха,
Здѣсь не будетъ тебѣ исцѣленья.»
Какъ услышала то молодая Павлиха,
Она молвила своему господину:
«Господинъ ты мой! прошу тебя Богомъ,
Не веди меня къ бѣлому дому,
А вяжи меня къ хвостамъ твоихъ коней,
И пусти ихъ по чистому полю.»
Своей любы послушался Павелъ,
Привязалъ ее къ хвостамъ своихъ коней,
И погналъ ихъ по чистому полю.

СПбГУ

Гдѣ попала капля ея крови,
Выросло тамъ терньe да кропива;
Гдѣ осталось ея бѣлое тѣло,
На томъ мѣстѣ озеро провалило.
Воронъ конь по озеру выплываетъ,
За конемъ золоченая люлька,
На той люлькѣ сидитъ соколъ птица,
Лежитъ въ люлькѣ маленькій мальчикъ:
Рука матери у него подъ горломъ,
Въ той рукѣ тешкинъ ножъ золоченый.

СПбГУ

15.

ЯНЫШЪ КОРОЛЕВИЧЪ [25].

Полюбилъ королевичъ Янышъ
Молодую красавицу Елицу,
Любитъ онъ ее два красныя лѣта,
Въ третье лѣто вздумалъ онъ женишься
На Любусѣ, Чешской королевнѣ.
Съ прежней любой идетъ онъ проститься.
Ей приноситъ съ червонцами чересъ,
Да гремучія серги золотыя,
Да жемчужное тройное ожерелье,

СПбГУ

Самъ ей вдѣлъ онъ серги золотыя,
Навязалъ на шею ожерелье,
Далъ ей въ руки съ червонцами чересъ,
Въ обѣ щеки поцѣловалъ молча,
И поѣхалъ своею дорогою.
Какъ одна оспалася Елица,
Деньги наземь она пометала,
Изъ ушей выдернула серги,
Ожерелье на двое разорвала,
А сама кинулась въ Мораву.
Тамъ на днѣ молодая Елица:
Водяною царицей очнулась,
И родила маленькую дочку,
И ее нарекла Водяницей.

Вотъ проходятъ три года и болѣ,
Королевичъ ѣздитъ на охотѣ,
Ѣздитъ онъ по берегу Моравы;
Захотѣлъ онъ коня воронаго
Напоить студеною водою.

ОГБГУ

Но лишь только запѣненную морду
Сунулъ конь въ спуденую воду,
Изъ воды вдругъ высунулась ручка:
Хвать коня за узду золотую!
Конь отдернулъ голову въ испугѣ,
На уздѣ виситъ Водяница
Какъ на удѣ пойманная рыбка, —
Конь кружится по чистому лугу,
Потрясая уздой золотою;
Но стряхнуть Водяницы не можетъ.
Чуть въ сѣдлѣ усидѣлъ королевичъ,
Чуть сдержалъ коня воронова,
Осадивъ могучею рукою.
На праву Водяница прыгнула
Говоритъ ей Янышъ королевичъ:
«Раскажи, какое ты творенье:
Женщина ль тебя породила,
Иль Богомъ проклятая Вила?»
Отвѣчаетъ ему Водяница:
«Родила меня молодая Елица,

СПбГУ

Мой отецъ Янышъ королевичъ,
А зовутъ меня Водяницей.»
Королевичъ при такомъ отвѣтѣ
Соскочилъ съ коня воронова,
Обнялъ дочь свою, Водяницу
И слезами заливаясь, молвилъ:
«Гдѣ, скажи, твоя мать Елица?
Я слыхалъ, что она потонула.»
Отвѣчаетъ ему Водяница:
«Мать моя царица водяная;
Она властвуетъ надъ всѣми рѣками,
Надъ рѣками и надъ озерами;
Лишь не властвуетъ она синимъ моремъ,
Синимъ моремъ властвуетъ Дивъ-Рыба.»
Водяницѣ молвилъ королевичъ:
«Такъ иди же къ водяной царицѣ,
И скажи ей: Янышъ королевичъ
Ей поклонъ усердный посылаетъ,
И у ней свиданія проситъ
На зеленомъ берегу Моравы.

СПбГУ

Завтра я заѣду за отвѣтомъ.»
Они послѣ того разстались.

Рано утромъ, чуть заря зардѣлась,
Королевичъ надъ рѣкою ходитъ;
Вдругъ изъ рѣчки, по бѣлыя груди,
Поднялась царица водяная,
И сказала: «Янышъ королевичъ,
У меня свиданія просилъ ты:
Говори, чего еще ты хочешь?»
Какъ увидѣлъ онъ свою Елицу,
Разгорѣлись снова въ немъ желанья,
Сталъ манить ее къ себѣ на берегъ.
«Люба ты моя, млада Елица,
Выдь ко мнѣ на зеленой берегъ,
Поцѣлуй меня по прежнему сладко,
По прежнему полюблю тебя крѣпко.»
Королевичу Елица не внимаетъ,
Не внимаетъ, головою киваетъ:
«Нѣтъ, не выду, Янышъ королевичъ,

СПбГУ

Я къ тебѣ на земный берегъ.
Слаще прежняго намъ не цѣловаться,
Крѣпче прежняго меня не полюбишь.
Раскажи-ка мнѣ лучше хорошенько,
Каково, счастливо ль поживаешь
Съ новой любой, съ молодой женою?»
Отвѣчаетъ Янышъ королевичъ:
«Противъ солнышка луна не пригрѣетъ,
Противъ милой жена не утѣшитъ.»

СПбГУ

16.

К О Н Ь.

Что ты ржешь, мой конь ретивый,
Что ты шею опустилъ;
Не потряхиваешь гривой,
Не грызешь своихъ удилъ?
Али я тебя не холю?
Али ѣшь овса не въ волю?
Али сбруя не красна?
Аль поводья не шелковы,
Не серебрены подковы,
Не злочены стремена?

*

СПбГУ

Отвѣчаетъ конь печальный :
Отъ того я присмирѣлъ,
Что я слышу топотъ дальный,
Трубный звукъ и пѣнье стрѣлъ;
Отъ того я ржу, что въ полѣ
Ужъ недолго мнѣ гулять,
Проживать въ краснѣ и въ холѣ
Свѣтлой сбруей щеголять;
Что ужъ скоро врагъ суровый
Сбрую всю мою возьметъ,
И серебряны подковы
Съ легкихъ ногъ моихъ сдеретъ;
Отъ того мой духъ и ноетъ
Что на мѣсто чапрака
Кожей онъ твоей покроетъ
Мнѣ вспотѣвшія бока.

КОНЕЦЪ.

СПбГУ

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ПѢСНЯМЪ ЗАПАДНЫХЪ СЛАВЯНЪ.

1) Ѳома I былъ тайно умерщвленъ своими двумя сыновьями Спефаномъ и Радивоемъ въ 1460 году. Спефанъ ему наслѣдовалъ. Радивой, негодуя на брата за похищеніе власти разгласилъ ужасную тайну и бѣжалъ въ Турцію къ Магомету II. Спефанъ, по внушенію Папскаго легата, рѣшился воевать съ Турками. Онъ былъ побѣжденъ и бѣжалъ въ Ключь-городъ, гдѣ Магометъ осадилъ его. Захваченный въ плѣнъ онъ не согласился принять Магометанскую вѣру, и съ него содрали кожу.

2) Щиколодка, по Московскому нарѣчію щиколка.

3) Такъ называютъ себя нѣкоторые Иллирійскіе раскольники.

4) *Фаланга*, палочные удары по пятамъ.

5) Радивой никогда не имѣлъ этого сана; и всѣ члены Королевскаго семейства истреблены были Султаномъ.

6) Кафтанъ, обыкновенный подарокъ Султановъ.

7) Анахронизмъ.

8) Трогательный обычай *братованія*, у Сербовъ и другихъ западныхъ Славянъ, освящается духовными обрядами.

9) Неизвѣстно къ какому произшествію относится эта пѣсня.

10) Потеря сраженія приписывается Далматамъ, ненавистнымъ для Влаховъ.

11) Жиды въ Турецкихъ областяхъ суть вѣчные предметы гоненія и ненависти. Во время войны имъ доставалось отъ Мусульманъ и Христіанъ. Участь ихъ, замѣчаетъ В. Скопинъ, походитъ на участь летучей рыбы — М.

12) Банялука, прежняя столица Босній скаго Пашалыка.

13) Селихтаръ, меченосецъ.

14) Всѣ народы почитали жабу ядовитымъ животнымъ.

15) Мицкевичъ перевелъ и украсилъ эту пѣсню.

СПбГУ

16) Гайдукъ, глава, начальникъ. Гайдуки не имѣютъ пристанища и живутъ разбоями.

17) Западные Славяне вѣрятъ существованію *Упырей* (vampire). См. пѣсню *о Маркѣ Якубовичѣ.*

18) Мериме помѣстилъ въ началѣ своей *Guzla* извѣстіе о старомъ гусляре Іакиноѣ Маглановичѣ, неизвѣстно, существовалъ ли онъ когда нибудь; но статья его Біографа имѣетъ необыкновенную прелесть оригинальности и правдоподобія. Книга Мериме рѣдка и читатели, думаю, съ удовольствіемъ найдутъ здѣсь жизнеописаніе Славянина — поэта.

Notice sur Hyacinthe Maglanovich.

Hyacinthe Maglanovich est le seul joueur de guzla que j'ai vu, qui fût aussi poëte; car la plupart ne font que répéter d'anciennes chansons, ou tout au plus ne composent que des pastiches, en prenant vingt vers d'une ballade, autant d'une autre, et liant le tout au moyen de mauvais vers de leur façon.

*

Notre poëte est né à Zuonigrad, comme il le dit lui-même dans sa ballade intitulée *l'Aubépine de Veliko.* Il était fils d'un cordonnier, et ses parens ne semblent pas s'être donné beaucoup de mal pour son éducation, car il ne sait ni lire ni écrire. A l'âge de huit ans il fut enlevé par des *Tchingénehs* ou Bohémiens. Ces gens le menèrent en Bosnie, où ils lui apprirent leurs tours et le convertirent sans peine à l'islamisme, qu'ils professent pour la plupart [1]). Un *ayan* ou maire de Livno le tira de leurs mains et le prit à son service, où il passa quelques années.

Il avait quinze ans, quand un moine catholique réussit à le convertir au christianisme, au risque de se faire empaler s'il était découvert; car les Turcs n'encouragent point les travaux des missionnaires. Le jeune Hyacinthe n'est pas de peine à se décider à quiter un

1) Tous ces détails m'ont été donnés en 1817 par Maglanovich lui-même.

maître assez dur, comme sont la plupart des Bosniaques; mais, en se sauvant de sa maison, il voulut tirer vengeance de ses mauvais traitemens. Profitant d'une nuit orageuse, il sortit de Livno, emportant une pelisse et le sabre de son maître, avec quelques sequins qu'il put dérober. Le moine qui l'avait rebaptisé l'accompagna dans sa fuite, que peut-être il avait conseillée.

De Livno à Scign en Dalmatie il n'y a qu'une douzaine de lieues. Les fugitifs s'y trouvèrent bientôt sous la protection du gouvernement vénitien et à l'abri des poursuites de l'ayan. Ce fut dans cette ville que Maglanovich fit sa première chanson: il célébra sa fuite dans une ballade qui trouva quelques admirateurs et qui commença sa réputation [1].

---

1) J'ai fait de vains efforts pour me la procurer. Maglanovich lui-même l'avait oubliée, ou peut-être eut-il honte de me réciter son premier essai dans la poésie.

Mais il était sans ressources d'ailleurs pour subsister, et la nature lui avait donné peu de goût pour le travail. Grâce à l'hospitalité morlaque, il vécut quelque temps de la charité des habitans des campagnes, payant son écot en chantant sur la guzla quelque vieille romance qu'il savait par cœur. Bientôt il en composa lui-même pour des mariages et des enterremens, et sut si bien se rendre nécessaire, qu'il n'y avait pas de bonne fête si Maglanovich et sa guzla n'en étaient pas.

Il vivait ainsi dans les environs de Scign, se souciant fort peu de ses parens, dont il ignore encore le destin, car il n'a jamais été à Zuonigrad depuis son enlèvement.

A vingt-cinq ans c'était un beau jeune homme, fort, adroit, bon chasseur et de plus poëte et musicien célèbre; il était bien vu de tout le monde, et surtout des jeunes filles. Celle qu'il préférait se nommait Marie et était fille dun riché Morlaque, nommé Zlarinovich.

Il gagna facilement son affection et, suivant la coutume, il l'enleva. Il avait pour rival une espèce de seigneur du pays, nommé Uglian, lequel eut connaissance de l'enlèvement projeté. Dans les mœurs illyriennes l'amant dédaigné se console facilement et n'en fait pas plus mauvaise mine à son rival heureux; mais cet Uglian s'avisa d'être jaloux et voulut mettre obstacle au bonheur de Maglanovich. La nuit de l'enlèvement, il parut accompagné de deux de ses domestiques, au moment où Marie était déjà montée sur un cheval et prête à suivre son amant. Uglian leur cria de s'arrêter d'une voix menaçante. Les deux rivaux étaient armés suivant l'usage. Maglanovich tira le premier et tua le seigneur Uglian. S'il avait eu une famille, elle aurait épousé sa querelle, et il n'aurait pas quitté le pays pour si peu de chose; mais il était sans parens pour l'aider, et il restait seul exposé à la vengeance de toute la famille du mort. Il prit son parti promptement et

s'enfuit avec sa femme dans les montagnes, où il s'associa avec des Heyduques [1].

Il vécut long-temps avec eux, et même il fut blessé au visage dans une escarmouche avec les Pandours [2]. Enfin, ayant gagné quelque argent d'une manière assez peu honnête, je crois, il quitta les montagnes, acheta des bestiaux et vint s'établir dans le Kotar avec sa femme et quelques enfans. Sa maison est près de Smocovich, sur le bord d'une petite rivière ou d'un torrent qui se jette dans le lac de Vrana. Sa femme et ses enfans s'occupent de leurs vaches et de leur petite ferme; mais lui est toujours en voyage; souvent il va voir ses anciens amis les Heyduques, sans toutefois prendre part à leur dangereux métier.

Je l'ai vu à Zara pour la première fois en 1816. Je parlais alors très-facilement l'illyrique,

---

1) Espèce de bandits.

2) Soldats de la police.

et je désirais beaucoup entendre un poëte en réputation. Mon ami, l'estimable voivode Nicolas * * *, avait rencontré à Biograd, où il demeure, Hyacinthe Maglanovich, qu'il connaissait déjà, et sachant qu'il allait à Zara, il lui donna une lettre pour moi. Il me disait que, si je voulais tirer quelque chose du joueur de guzla, il fallait le faire boire; car il ne se sentait inspiré que lorsqu'il était à peu près ivre.

Hyacinthe avait alors près de soixante ans. C'est un grand homme, vert et robuste pour son âge, les épaules larges et le cou remarquablement gros; sa figure est prodigieusement basanée; ses yeux sont petits et un peu relevés du coin; son nez aquilin, assez enflammé par l'usage des liqueurs fortes, sa longue moustache blanche et ses gros sourcils noirs forment un ensemble que l'on oublie difficilement quand on l'a vu une fois. Ajoutez à cela une longue cicatrice qu'il porte sur le sourcil et sur une

partie de la joue. Il est très-extraordinaire qu'il n'ait pas perdu l'œil en recevant cette blessure. Sa tête était rasée, suivant l'usage presque général, et il portait un bonnet d'agneau noir : ses vêtemens étaient assez vieux, mais encore très-propres.

En entrant dans ma chambre, il me donna la lettre du voivode et s'assit sans cérémonie. Quand j'eus fini de lire: vous parlez donc l'illyrique, me dit-il d'un air de doute assez méprisant. Je lui répondis sur-le-champ dans cette langue que je l'entendais assez bien pour pouvoir apprécier ses chansons, qui m'avaient été extrêmement vantées. Bien, bien, dit-il; mais j'ai faim et soif : je chanterai quand je serai rassasié. Nous dînâmes ensemble. Il me semblait qu'il avait jeûné quatre jours au moins, tant il mangeait avec avidité. Suivant l'avis du voivode, j'eus soin de le faire boire, et mes amis, qui étaient venus nous tenir compagnie sur le bruit de son arrivée, remplissaient son

verre à chaque instant. Nous espérions que quand cette faim et cette soif si extraordinaires seraient apaisées, notre homme voudrait bien nous faire entendre quelques-uns de ses chants. Mais notre attente fut bien trompée. Tout d'un coup il se leva de table et se laissant tomber sur un tapis près du feu (nous étions en Décembre), il s'endormit en moins de cinq minutes, sans qu'il y eût moyen de le réveiller.

Je fus plus heureux une autre fois : j'eus soin de le faire boire seulement assez pour l'animer, et alors il nous chanta plusieurs des ballades que l'on trouvera dans ce recueil.

Sa voix a dû être fort belle ; mais allors elle était un peu cassée. Quand il chantait sur sa guzla, ses yeux s'animaient et sa figure prenait une expression de beauté sauvage, qu'un peintre aimerait à exprimer sur la toile.

Il me quitta d'une façon étrange : il demeurait depuis cinq jours chez moi, quand un matin il sortit, et je l'attendis inutilement

jusqu'au soir. J'appris qu'il avait quitté Zara pour retourner chez lui; mais en même temps je m'aperçus qu'il me manquait une paire de pistolets anglais qui, avant son départ précipité, étaient pendus dans ma chambre. Je dois dire à sa louange qu'il aurait pu emporter également ma bourse et une montre d'or qui valaient dix fois plus que les pistolets qu'il m'avait pris.

En 1817, je passai deux jours dans sa maison, où il me reçut avec toutes les marques de la joie la plus vive. Sa femme et tous ses enfans et petits-enfans me sautèrent au cou, et quand je le quittai, son fils aîné me servit de guide dans les montagnes pendant plusieurs jours, sans qu'il me fût possible de lui faire accepter quelque récompense.

19) Вурдалаки, Вудкодлаки, Упыри, мертвецы, выходящіе изъ своихъ могилъ и сосущіе кровь живыхъ людей.

20) Лѣкарствомъ отъ укушенія Упыря служитъ земля, взятая изъ его могилы.

21) По другому преданію, Георгій сказалъ товарищамъ: Старикъ мой умеръ; возьмите его съ дороги.

22) Прекрасная эта поэма взята мною изъ Собранія Сербскихъ пѣсенъ Вука Стефановича.

23) Пѣсня о Янышѣ Королевичѣ въ подлинникѣ очень длинна и раздѣляется на нѣсколько частей. Я перевелъ только первую, и то не всю.

Лен. Гос. Ун-т
Научная
библиотека им.
Горького

СПбГУ

СПбГУ

ОГЛАВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

Стран.

Гусаръ ..... 3.
Сказка о мертвой царевнѣ и о семи богатыряхъ ..... 13.
Будрысъ и его сыновья ..... 45.
Воевода ..... 51.
Красавица. (Въ Альбомъ Г****) ..... 57.
Сказка о золотомъ пѣтушкѣ ..... 61.
Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ ..... 75.
Разговоръ книгопродавца съ Поэтомъ ..... 89.
Подражанія древнимъ ..... 101.
Элегія ..... 104.
Предисловіе къ пѣснямъ Западныхъ Славянъ ..... 105.

Пѣсни Западныхъ Славянъ

1. Видѣніе Короля ..... 115.
2. Янко Марнавичъ ..... 121.
3. Битва у Зеницы-великой ..... 125.
4. Осодоръ и Елена ..... 128.
5. Влахъ въ Венеціи ..... 134.
6. Гайдукъ Хризичъ ..... 137.
7. Похоронная пѣсня, Іакинфа Маглановича ..... 140.
8. Марко Якубовичъ ..... 143.
9. Бонапартъ и Черногорцы ..... 149.
10. Соловей ..... 153.
11. Пѣсня о Георгіѣ Черномъ ..... 155.
12. Воевода Милошъ ..... 158.
13. Вурдалакъ ..... 160.
14. Сестра и брашья ..... 162.
15. Янышъ Королевичъ ..... 169.
16. Конь ..... 175.

Примѣчанія къ пѣснямъ Западныхъ Славянъ ..... 177.

Лит. Гос. Ун-т
Научная
библиотека им.
Горького

[120р]

СПбГУ

СПбГУ

СПбГУ